Schdanow, 3 Monate Einzelhaft.

Три мѣсяца въ „одиночкѣ“.

Впечатлѣнія и воспоминанія.

Сергѣя Жданова.

Берлинъ. ⟡ Изданіе Іоанна Рэде.

Verlag Johannes Räde in Berlin W. 15.

Три мѣсяца въ „одиночкѣ".

Впечатлѣнія и воспоминанія.

Сергѣя Жданова.

Берлинъ.
Изданіе Іоанна Рэде.
1902.

1. Арестъ. — Тюрьма.

Весна въ Одессѣ въ 1898 году была ранняя. Уже съ марта мѣсяца начался перелетъ птицъ. Глазъ то и дѣло наталкивался на длинныя вереницы грачей, жаворонковъ, тянувшихся въ неисчислимомъ количествѣ по небу. Деревья мало по малу начали одѣваться листьями, какъ бы наряжаясь къ великому празднику природы: веснѣ. По морю цѣлый день, съ ранняго утра до поздней ночи, стали раздаваться свистки пароходовъ, нагружаемыхъ всевозможными товарами, мелкія баржи то и дѣло сновали съ одного мѣста на другое, точно желая отдохнуть отъ этого шума, воцарившагося, съ приходомъ весны, на берегу Чернаго моря. По садамъ начались концерты военныхъ оркестровъ, паркъ и бульваръ наполнились массою гуляющихъ, и въ общемъ оживленіи замѣчалось чудодѣйственное вліяніе весны. Да, весело и легко становится на душѣ послѣ угрюмой зимы, но какъ тяжело при подобныхъ условіяхъ „живому съ жизнью разстаться“ и быть брошеннымъ въ невѣдомый міръ отщепенцевъ общества: арестантовъ! 10-го марта конвой жандармовъ, до адъютанта включительно, со-

провождалъ меня въ тюремный замокъ. Карета, запряженная парою черныхъ, какъ смоль, коней, несла меня шибко, точно боясь упустить и минуту дорогого времени, нужную на весьма важное дѣло. Лошади фыркали, точно выражая свое несогласіе съ чинами жандармской полиціи, собираясь какъ бы сбросить съ себя всѣхъ своихъ сѣдоковъ, но ихъ горячіе порывы охлаждались ударами кнута. Вся эта обстановка, и сытыя, упитанныя рожи агентовъ полиціи, и словно бѣгущіе по сторонамъ дороги предметы, и стоявшая чудная лунная ночь съ безмолвнымъ величіемъ небеснаго свода — вся эта обстановка была для меня слишкомъ большой неожиданностью, чтобы я могъ понять и хоть въ слабой степени выяснить себѣ условія, въ которыя я попалъ. Тѣмъ болѣе трудно было мнѣ представить себѣ, что ждетъ меня впереди. Въ такія минуты (а я ихъ испыталъ) умъ отказывается работать вслѣдствіе обильнаго количества разомъ нахлынувшихъ тяжелыхъ, мучительныхъ впечатлѣній. Невольно стараешься забыться отъ всего этого, и довѣряешь себя какъ бы естественному ходу вещей. Разстояніе отъ моей квартиры до тюрьмы за городомъ большое, такъ что пришлось ѣхать довольно долго. Я весь погрузился въ свои размышленія, какъ вдругъ былъ выведенъ изъ этого положенія грубымъ крикомъ одного изъ окружавшихъ меня жандармовъ, обращеннымъ, повидимому, къ кучеру кареты.

— „Стой“, раздался громовой голосъ въ воздухѣ:

„записку обронилъ“. Лошади мгновенно остановились. Я не понялъ причинъ такой внезапной остановки, но скоро это разрѣшилось само собою. Оказывается, что вынимая изъ кармана носовой платокъ, я выкинулъ какой-то лоскутокъ бумаги, содержаніемъ котораго я и не интересовался. Но жандармы, видно, предусмодрѣли въ этомъ непроизвольномъ моемъ движеніи хитрость арестованнаго, желающаго сноситься со свободою. Начались поиски этой многозначущей, по мнѣнію жандармеріи, записки, мгновенно зажжены были фонари, и приступлено къ дѣлу. Нужно было видѣть эту комедію! Цѣлая кавалькада жандармовъ съ фонарями въ рукахъ, точно совершая какое нибуть церемоніальное шествіе, гналась за бумажкой, которую вѣтеръ то подымалъ высоко, то бросалъ снова на земь, приводя моихъ непрошенныхъ проводниковъ чуть ли не въ бѣшенство. Наконецъ, послѣ долгихъ, неутомимыхъ поисковъ лоскутокъ былъ найденъ и, какъ бумага вообще, „пріобщенъ къ дѣлу“. Жандармы съ видомъ особо важной выполненной миссіи велѣли кучеру тронуть, что моментально и было приведено въ исполненіе, и карета съ грохотомъ покатилась по каменнымъ плитамъ мостовой, нарушая безмятежный сонъ мирныхъ обывателей. Вдали, наконецъ, мелькнули огоньки, разроставшіеся по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ тюремному замку. Вотъ показалось зданіе исправительнаго пріюта для малолѣтнихъ преступниковъ, силуэтъ какого-то строе-

нія, а неподалеку кладбище. Удивительное сочетаніе построекъ! Наконецъ, во всемъ своемъ грозно-величественномъ видѣ, предъ моимъ взоромъ, точно по мановенію магическаго жезла, выросла тюрьма. До этого момента я еще не смотрѣлъ такъ безнадежно на будущее, не такъ живо представлялъ себѣ все то, чему я долженъ подвергнуться, но тутъ то при видѣ этого мрачнаго зданія, въ которомъ точно въ желѣзныхъ тискахъ томится не одинъ десятокъ честныхъ, благородныхъ душъ человѣческихъ, тутъ-то, признаться, и ёкнуло у меня на сердцѣ, при сознаніи, что и я попадаю въ число этихъ душъ, и въ сферу, гдѣ малѣйшее свободное проявленіе духа уравновѣшивается жандармской нагайкой въ рукахъ цивилизованныхъ палачей . . . Еще нѣсколько шаговъ, и чуть ли не предъ самымъ носомъ появились желѣзныя ворота тюремнаго замка. Громовое „Стой“, раздалось въ воздухѣ, и немедленно лошади остановились, высаживая пріѣхавшихъ. — Господинъ, а господинъ, извольте слѣзть: тюрьма!

Я всталъ, и сопровождаемый всего четырьмя жандармами (штатъ, какъ я успѣлъ теперь лишь замѣтить, сократился втрое) подошелъ къ воротамъ.

— Открывай! раздался звучный голосъ жандарма. Голосъ этотъ былъ обращенъ, видимо, къ стражѣ, долженствующей денно и нощно неотлучно находиться съ той стороны воротъ. Но слова его пропали даромъ. Часъ былъ поздній, и стража повидимому дремала.

— Открывай же, шельма распроклятая, не знаешь развѣ, что арестованныхъ ведутъ?

Этимъ „арестованныхъ ведутъ“ онъ по неопытности, такъ какъ меньше всего я, какъ арестованный, долженъ былъ знать относительно другихъ арестованныхъ, оказалъ мнѣ услугу, такъ какъ зная, что тутъ одновременно со мной арестованы и другія лица, я могъ вчернѣ набросать себѣ планъ, какъ держаться на допросахъ. Второй окликъ жандарма, какъ и первый, пропалъ даромъ. Стража, видно, заснула богатырскимъ сномъ послѣ дневной работы. Выведенный изъ терпѣнія жандармъ принялся стучать ногами въ желѣзныя ворота тюрьмы, сопровождая каждый ударъ русскимъ „крѣпкословіемъ“, и, пожалуй, послѣднее оказалось болѣе раціональнымъ, чѣмъ всѣ предыдущія мѣры. Послышалось чье-то позѣвываніе, звонъ ключей, чьи то тяжелые шаги по каменнымъ плитамъ тюремнаго двора, отчаянный скрипъ засова, — и ворота открылись, принимая меня въ свои объятія.

— „Ужель не знаешь, что стражѣ закономъ не полагается и окомъ вздремнуть, анъ-тутъ стучишься цѣлый часъ, пока вызовешь барина-то“, обратился жандармъ къ ключнику, успѣвшему съёжиться отъ такой любезности.

— Гляди, доложу начальнику — и немедленно тебя маршъ! Понимаешь ты, окаянный? Гдѣ Петренко?“

— „Какой Петренко?“

— „А бишь его, Усовъ, все смѣшиваю со старымъ жандармомъ“.

— „У себя на квартирѣ“, отвѣчалъ ключникъ. „Сказалъ нонче, коль ежели надобность встрѣтится, чтобъ, значитъ, позвать его“.

— „Бѣги и притащи его сюды, хоша бы онъ спалъ“, обратился жандармъ: „Маршъ! скажи, что секретныхъ ведутъ“.

Слово „секретныхъ“ точно ножомъ рѣзнуло мой слухъ: я никакъ не могъ себѣ представить, что я уже нахожусь въ условіяхъ арестанта. Позже я вполнѣ примирился съ этимъ почетнымъ титуломъ, но нѣкоторое время мнѣ было слишкомъ тяжко жить на правахъ, вѣрнѣе, безправіи „секретнаго арестанта“.

Ворота за нами закрылись, какъ бы навсегда закрывъ ту дорогую свободу, съ которою у меня съ вступленіемъ въ эту мрачную обитель связано было столько свѣтлыхъ воспоминаній и милыхъ образовъ!... Да, тяжелое, пакостное чувство! Пройдя нѣсколько шаговъ по двору, мы остановились предъ вторыми воротами, которыя мгновенно раскрылись, впустивъ меня и конвоировъ. Я остановился, не зная, куда идти. Жандармъ, сопровождавшій меня, видно это понялъ и произнесъ: „А вотъ сюда, пожалуйте налѣво“. Я оглянулся и увидѣлъ крупными буквами написанную дощечку: „Секретная канцелярія“, куда и ввели меня. Комната эта представляетъ почти

правильный квадратъ, съ высокими сводами; по угламъ канцеляріи стояли письменные столы, съ кипою бумагъ на нихъ. За столомъ сидѣлъ человѣкъ лѣтъ тридцати, въ острой бородкѣ, съ густыми, нависшими бровями, изъ подъ которыхъ выглядывали черные умные глаза. На смугломъ лицѣ его уже видны были нѣкоторыя, временемъ иль горемъ, наложенныя складки. Глаза его сразу приковали къ себѣ мое вниманіе. Вся наружность, какъ казалось мнѣ, выражала одну только теплоту отношеній, что ужъ во всякомъ случаѣ трудно согласовать со званіемъ начальника тюрьмы. Впрочемъ, такъ только мнѣ казалось, и я вскорѣ убѣдился, что я слишкомъ поторопился составить себѣ о немъ мнѣніе. Около двухъ другихъ столовъ усѣлись какіе то чины полиціи, явился жандармъ, — и началась вся церемонія принятія новаго арестованнаго въ свой изолированный отъ всего маломальски живого міръ, — міръ грознаго властвованія начальства и рабской подчиненности арестантовъ. На письменномъ столѣ тюремнаго начальника я увидѣлъ многія вещи, принадлежавшія, очевидно, предыдущимъ арестованнымъ. Видно было, что арестованныхъ много, ибо несмотря на всю поспѣшность, съ какою жандармъ старался убрать все это, — онъ одинъ не могъ справиться со всѣмъ этимъ грузомъ. По этимъ безмолвнымъ предметамъ я старался узнать хоть нѣкоторыхъ людей, и это мнѣ удалось. Но больше всего среди этихъ предметовъ поразилъ меня

одинъ кушакъ, отнятый у близкаго мнѣ человѣка. Неужели и онъ тутъ? возникъ въ моей головѣ вопросъ. Грусть сдавила мнѣ сердце, въ глазахъ потемнѣло . . . Все, наполнявшее канцелярію, точно пріобрѣло способность движенія и какъ вихрь понеслось предъ моими глазами. У меня настолько закружилось въ головѣ, что я не разслышалъ троекратнаго ко мнѣ обращенія начальника тюрьмы.

— Молодой человѣкъ, къ вамъ обращаются съ вопросомъ.

„Ваше званіе, возрастъ, мѣсто рожденія, женатъ, холостъ“, все это, какъ градъ, посыпалось на мою голову. Я поспѣшно отвѣчалъ на всѣ эти вопросы, желая скорѣе покончить со всей этой трагикомедіей, въ которой увы! я игралъ не послѣднюю роль . . . Пока начальникъ что-то писалъ, я принялся разглядывать окружавшіе меня предметы. Первыми мнѣ бросились въ глаза ручные и ножные кандалы, валявшіеся по угламъ комнаты въ живописномъ безпорядкѣ; то тамъ, то сямъ валялись арестантскіе костюмы — халаты, а по стѣнамъ — инструкціи.

— „Усовъ!“ крикнулъ начальникъ: „обыщи его“, и мгновенно я почувствовалъ на себѣ присутствіе двухъ мозолистыхъ рукъ. Точно кипяткомъ обдало меня отъ этого любезнаго прикосновенія. Я не назову себя натурой слабой, — но всѣ эти новыя печальныя впечатлѣнія какъ бы камнемъ легли на мою душу, заглушая во мнѣ все рвавшееся наружу, и весьма есте-

ственно, что при прикосновеніи ко мнѣ жандарма я чуть не разрыдался . . . Началась церемонія обыска. Не было ни одного мѣста на тѣлѣ моемъ, которое не почувствовало на себѣ присутствія жандармской руки; наконецъ, когда внѣшній обыскъ въ моемъ платьѣ кончился, меня попросили раздѣться. Это какъ громъ ошеломило меня, и, я, чувствуя, что упаду, инстинктивно опустился на попавшійся мнѣ стулъ, впавъ чуть ли не въ безпамятство. Но видно, что я этимъ не разжалобилъ никого, и начальникъ произнесъ: „Молодой человѣкъ, пожалуйста, раздѣньтесь, мы только произведемъ нѣкоторый обыскъ, а потомъ вы и уйдете. Таковы, видите ли, правила для пріема арестованнаго, и небрежное къ нимъ отношеніе надѣлало, да и надѣлываетъ много бѣды начальству, а потому прошу проникнуться уваженіемъ къ этимъ правиламъ“ . . . У меня тутъ же возникла мысль не подвергаться такой позорной, средневѣковой пыткѣ. Но рѣшимость эта значительно ослабѣла, какъ только я нѣсколько разумнѣе отнесся къ этому. Да и что дала бы мнѣ эта рѣшимость? Вѣдь я отлично понималъ, что сила великая вещь, и какъ бы я ни убѣждался въ томъ, что право человѣка за мною, я точно также не могъ уйти отъ той очевидной истины, что сила, грубая сила на сторонѣ противника, а потому, какъ ни былъ мучителенъ мнѣ вызовъ всѣхъ этихъ общественныхъ паразитовъ, я рѣшилъ раздѣться.

— Ну съ, молодой человѣкъ, раздѣвайтесь, пока васъ

другіе не заставятъ раздѣться", уже почти крикнулъ раздосадованный начальникъ тюрьмы. Слово „заставятъ" сразу освѣтило мнѣ ту обстановку, въ которую я попалъ, и я сразу понялъ, что здѣсь я не человѣкъ, съ его требованіями и запросами, а просто мертвая цыфра въ рукахъ начальства. Я понялъ, что люди живутъ здѣсь не по вкусамъ и наклонностямъ, а по мертвымъ правиламъ, при которыхъ малѣйшее движеніе строго контролируется бдительнымъ окомъ начальства. Я началъ скидывать съ себя свое платье и остался въ одномъ бѣльѣ. Начались наитщательнѣйшіе поиски, — но это не привело ни къ чему, по ихъ мнѣнію, положительному. Я, такимъ образомъ, выпилъ чашу до дна.

— „Ну, молодой человѣкъ, простите", произнесъ начальникъ: „можете одѣться; мы только совершили нѣкоторыя формальности по отношенію къ арестованному, а въ остальномъ можете располагать, какъ вамъ угодно". Вся эта процедура показалась мнѣ слишкомъ противной, и я поспѣшилъ одѣться какъ можно скорѣе, желая убраться отъ всего этого давящаго. Но не такъ то скоро свершилось мое желаніе. Мнѣ предстояло еще пережить послѣднюю стадію этого нравственнаго страданія, чтобы затѣмъ убраться въ область покоя . . . Предстояло еще одно важное дѣло — отобрать у меня всѣ имѣющіяся при мнѣ мелкія вещи.

— „Имѣются ли у васъ часы, кольца, деньги и проч.?

обратился ко мнѣ тюремный начальникъ: „все выймите и положите на этотъ столъ“. Я вынулъ часы свои и положилъ ихъ на отведенное мѣсто, положилъ, вспоминается, также и шнурокъ отъ верхней сорочки. Все это было собрано воедино, тщательно завернуто въ какую-то мутно — грязнаго цвѣта бумажку, просмотрѣно, провѣрено, зашнуровано и отложено на должное мѣсто. Къ концу этой церемоніи я, помнится, настолько пріободрился, что меня уже послѣднее ничуть не затрагивало, а тѣмъ болѣе раздражало. Объяснить это тѣмъ, что я успѣлъ освоиться съ новымъ моимъ чудовищнымъ положеніемъ, невозможно — времени какъ никакъ было слишкомъ мало; тутъ значитъ дѣйствовали болѣе глубокія причины . . . Такъ или иначе — я констатирую фактъ и говорю, что я настолько ободрился, что съ удовольствіемъ затянулся папироской, скрученной изъ табаку, который, надо замѣтить, не воспрещалось имѣть секретнымъ заключеннымъ. Этимъ какъ бы воздается намъ, секретнымъ, извѣстная дань уваженія, хотя это уваженіе и выражается въ крайне уродливой формѣ.

— „Ну, что, можно идти?“ обратился я къ начальнику, соскучившись этимъ глупымъ однообразіемъ.

— Вотъ вы посидите немного, придетъ жандармъ — васъ и отведутъ“. Какъ мнѣ ни непріятно было сидѣть въ этой канцеляріи я, конечно, повиновался.

— „Ваше благородіе“, услышалъ я за дверью сиплый голосъ жандарма: „Отвести № 305?“ — „Да, отвѣ-

тилъ начальникъ: Да смотри, чтобы окна были заперты вплотную.

Выйдя въ корридоръ, я увидѣлъ самодовольную физіономію жандарма, довольно неслабенькой комплекціи, съ узкими, глубоко ушедшими въ орбиты глазками.

— „Господинъ, пожалуйста за мною, вотъ сюда, на третій этажъ“, обратился ко мнѣ жандармъ. Часъ былъ поздній. Всѣ: и сторожа, и арестанты, — всѣ спали крѣпкимъ сномъ ... Гулко отдавались шаги наши по каменнымъ плитамъ корридоровъ. Прежде, чѣмъ добраться до отведенной мнѣ камеры, я по пути успѣлъ разглядѣть камеры для уголовныхъ преступниковъ, двери которыхъ были сплошь рѣшетчатыя, что давало мнѣ, такимъ образомъ, возможность разглядѣть ихъ населеніе. Но я успѣлъ увидѣть только на нарахъ цѣлыя кучи тѣлъ, прикрытыхъ сѣрыми арестантскими халатами. Я поспѣшно отошелъ отъ этого мѣста, но жандармъ удержалъ мои порывы, попросивъ меня убавить шагу.

— „Господинъ, а господинъ, да помедленнѣе то ходите, не поспѣю я за вами“.

— „Жизнь-то должна быть у васъ собачья, замѣтилъ я. — „Да что и говорить? оно коли и начнешь эдакъ, знаете, умомъ-то“ ... — „Послушай, любезный, гдѣ же то моя камера?“ оборвалъ я его.

— „А вотъ и она.“

Я успѣлъ разглядѣть надпись: „секретно“, что и

теперь еще меня шокировало, и № 305. Жандармъ порылся въ карманѣ, нашелъ ключъ и вставилъ его въ замочную скважину. Дверь съ отчаяннымъ грохотомъ растворилась, впустивъ въ нее меня и моего спутника.

— „Вотъ это, какъ видите, и будетъ вашей камерой. Только ужъ не перестукивайтесь — иначе въ темную попадете“, произнесъ онъ. „Вотъ кроватъ, вотъ столъ, коли понадобится, позвоните“, и онъ указалъ мнѣ на звонокъ, имѣющійся, какъ я впослѣдствіи замѣтилъ, во всякой камерѣ.

— „А пока желаю вамъ покойной ночи.“

Съ ужаснымъ трескомъ дверь скрипнула, замокъ щелкнулъ, и я остался одинъ, одинъ со всѣми моими мыслями, которыя однѣ поддерживали меня во все время моего одиночного заключенія. Какъ снопъ, повалился я на постель, не поинтересовавшись даже и взглянуть на обстановку моего новаго помѣщенія. Рой мыслей нахлынулъ въ мою голову, точно гости непрошенные, и какъ ни силился я остановиться, сосредоточиться на одной изъ нихъ, мигомъ мысль эта исчезала и на смѣну ей являлись десятки другихъ, и одна другой безнадежнѣе. Я безъ содроганія не могу вспомнить о первой ночи, проведенной въ одиночномъ тюремномъ заключеніи.... Все пережитое за послѣднихъ 3—4 часа до отвода въ камеру было настолько горестно, настолько эта тиранія, это надруганіе надъ человѣческой личностью, это полнѣйшее

обезличеніе человѣка, — все это принимало въ моихъ глазахъ чудовищно-печальный образъ. Вырвать живого человѣка изъ дорогой ему среды, изолировать его отъ всего того, что хотя въ слабой степени можетъ напомнить о свободѣ, поставить его въ условія рабской подчиненности и слѣпого повиновенія буквѣ беззаконія — сколько жгучихъ страданій все это приноситъ человѣку, который жилъ, мыслилъ. . . .

---

2. Первый день. — Тюремный режимъ.

Эллины говорили: время врачъ всѣхъ болѣзней. Первая ночь въ тюрьмѣ дала плоды въ томъ отношеніи, что я, хотя въ слабой степени, освоился съ моимъ безотраднымъ положеніемъ Смѣшно, понятно, предположить, что я могъ спать въ ту ночь: голова буквально отказывалась работать, вслѣдствіе нахлынувшаго роя мыслей и впечатлѣній. Мысли быстро смѣняли одна другую, но чѣмъ дальше, тѣмъ все яснѣе и яснѣе стала вырисовываться одна мысль, а именно о моемъ заключеніи, о томъ, что здѣсь я долженъ жить больше умомъ, нежели чувствомъ. Какъ только я укрѣпился въ этой мысли, разъ навсегда убѣдившись, что все прошлое нужно окончательно выкинуть изъ головы и отнести его въ область преданія, а нужно жить пока той жизнью, которая мнѣ выпала на долю, мнѣ стало какъ будто легче.

Сознаніе э-то все болѣе и болѣе упрочивалось во мнѣ, когда я смекнулъ, что дѣло наше обѣщаетъ затянуться надолго. Должно признаться, что подавить сознаніе о милой волѣ представлялось дѣломъ въ высшей степени труднымъ, почти невыполнимымъ, но я рѣшилъ спокойно отнестись ко всему этому, какимъ бы пыткамъ не подвергся бы я со стороны моихъ палачей. Вотъ почему когда я всталъ, я сейчасъ же спокойно, какъ всегда, воспользовался водою, приготовленной мнѣ еще со вчерашняго дня, повидимому въ то время, когда я еще ходилъ по городу и не подозрѣвалъ даже, какъ быстро мѣняются условія человѣка. Но сознавая, что силы здѣсь мнѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, нужны, я старался смотрѣть на все это болѣе или менѣе трезво. Сдѣлавъ утренній туалетъ, я рѣшилъ набросить себѣ въ общихъ чертахъ планъ будущаго образа дѣйствій, какимъ бы образомъ разъ навсегда выгородить товарищей и себя; но твердо рѣшилъ не выносить сору изъ избы, хоть бы на то и понадобились жертвы. Я больше всего думалъ въ этотъ часъ о товарищахъ, вѣрнѣе о нравственномъ обликѣ ихъ и невольно приходилъ къ заключенію, что они съумѣютъ постоять за себя и показать себя людьми тогда, когда это больше всего нужно. Размышленія мои прервалъ стукъ ключа въ замочной скважинѣ; дверь моей камеры отворилась, пропустивъ плотнаго, сильнѣйшей комплекціи жандарма, именующагося „старшимъ“. Внѣшность его

выражала въ немъ продувную бестію. Объ этомъ говорили и блестящіе маленькіе глазки съ оттѣнкомъ плутоватости, глубоко сидѣвшіе въ орбитахъ, и тонъ его обращенія, слишкомъ ужъ большая предупредительность и расторопность въ движеніяхъ и манерахъ.... Поздоровавшись со мною, онъ вытащилъ изъ кармана лоскутокъ какой-то сѣрой бумаги, на которой онъ и начерталъ мою фамилію; затѣмъ, обратившись ко мнѣ, онъ произнесъ: Деньги у васъ имѣются въ конторѣ?

— Да, отвѣтилъ я.

— Такъ съ. Если угодно будетъ, можете изъ лавочки выписку сдѣлать. Примѣрно, въ конторѣ денегъ вашихъ ну, скажемъ, рубль, вы значитъ изъ лавочки этой выписывать-то можете: хлѣбъ, сахаръ, чай, табакъ, ну и всякое съѣстное. Оно, если заключенному не ѣсть, оттощать можно совсѣмъ.

Я поблагодарилъ его за его предупредительность, но великодушно отказался отъ его предложенія. Я крайне подозрительно относился къ жандармамъ и поблажекъ имъ не давалъ, и они великолѣпно чувствовали это. Будучи предубѣжденъ относительно ихъ, я крайне недовѣрчиво смотрѣлъ на многое, и даже въ этихъ, повидимому, невинныхъ словахъ я предусмотрѣлъ хитрость опытнаго шпіона. Правда, мнѣ очень пріятно было ошибиться въ этомъ потомъ, когда я узналъ, что здѣсь не скрывалось никакой задней мысли. Онъ, повидимому, не обратилъ вни-

манія, такъ какъ онъ вмигъ вышелъ и принесъ съ собою ворохъ различныхъ узелковъ: сахаръ, чай, папиросы и многое другое. Я ни чему такъ не обрадовался, какъ папиросамъ, представляющимъ великую цѣнность для заключеннаго. „Вотъ пока все нужное для васъ, господинъ. Счетомъ пятьдесятъ коп. Деньги будутъ эти отсчитаны изъ денегъ, имѣющихся въ конторѣ. А больше пока вамъ ничего не надо. Кончится этотъ запасъ, скажете мнѣ, и я его возобновлю, поняли? Ну, а скоро кипятокъ-то будетъ, чай заварите себѣ; сахаръ есть, хлѣбъ и черный, и бѣлый. Чего жъ лучше, да и свобода не нужна въ такомъ случаѣ.“ Дрожь пробѣжала у меня по моему тѣлу при этихъ немногихъ, но крайне выразительныхъ словахъ. Грудь сжалась отъ ужасной боли. Мнѣ противно было одно лишь присутствіе его, тѣмъ болѣе говорить съ нимъ о чемъ нибудь. Я истинно обрадовался, когда онъ, наконецъ, взялъ шапку и заперъ за собою дверь. Не прошло и четверти часа, какъ форточка моей двери открылась, и я успѣлъ разглядѣть сонную физіономію хожалаго изъ арестантовъ, человѣка молодого и видно недавно попавшаго въ тюрьму, за какую нибудь воровскую продѣлку. Звали его по тюремному „фонарь“, и это прозвище дано было ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ дракѣ лишился праваго глаза. Въ рукѣ онъ держалъ большой чайникъ кипятку, который онъ разносилъ политическимъ. За нимъ я успѣлъ разглядѣть моего

младшаго жандарма, который попросилъ меня подставить имѣвшуюся у меня мѣдную малую кружку, которая моментально наполнилась горячей водой. Посуды, кромѣ кружки, арестованнымъ не полагалось, и пришлось удовлетвориться хотя бы этимъ.

Я съ удовольствіемъ напился чаю, прибралъ немного у себя въ камерѣ, желая хоть чѣмъ нибудь убить свое время. Подставивъ затѣмъ запретный табуретъ къ еще болѣе запретному окну моей камеры, я сталъ разглядывать окружавшіе меня предметы. Мелькнула по двору сытая рожа жандарма, затѣмъ телѣга, нагруженная Богъ знаетъ чѣмъ, пробѣжало нѣсколько человѣкъ арестантовъ въ своихъ отверженныхъ костюмахъ, все это куда-то бѣжало съ такимъ дѣловымъ видомъ, что я невольно имъ позавидовалъ. Утро было пасмурное, густой туманъ носился низко надъ землей, окутывая все въ какой-то зловѣщій мракъ, и только лишь дружный и звонкій крикъ жаворонковъ возвѣщалъ наступленіе весны. Предъ глазоми моими развертывалась картина вдаль уходящихъ полей. За заборомъ тюрьмы тянулись повозки пригородныхъ мужиковъ, отправляющихся повидимому въ городъ. Инстинктивно оперся я рукою на подоконникъ глухо заколоченнаго окна и совершенно не обратилъ вниманія на стукъ въ дверь, за которой стоялъ мой жандармъ. Я поспѣшно соскочилъ съ табурета и обратился къ жандарму съ просьбой открыть мнѣ окно, ссылаясь на распространившееся въ моей ка-

мерѣ зловоніе и что я задыхаюсь отъ этой спертой атмосферы.

— „Это пока нельзя, любезно отвѣтилъ онъ: закончится слѣдствіе, и тогда, пожалуй, можно будетъ, а пока обходитесь уже какъ нибудь эдакъ.“

— Да, послушай-ка, обратился я къ нему: „долго продолжаются эти самыя слѣдствія?“

— Какъ знать, иногда дольше, иногда совсѣмъ малость; все отъ арестованнаго зависитъ . . .“

Свѣдѣніе это я принялъ во вниманіе. Жандармъ сталъ поспѣшно выходить изъ моей камеры.

— Ну, такъ какъ же съ окномъ-то, обратился я къ нему: „такъ таки и не откроешь? Чѣмъ дышать-то прикажешь, вѣдь разсуди же, человѣкъ ты неглупый“, произнесъ я, желая немного поиграть на стрункахъ жандармскаго самолюбія.

— Да ужъ не знаю какъ быть то, уставъ значится, имѣется такой.

— А что если я самъ окно-то открою, спросилъ я его.

— Да этого вы не сдѣлаете, отвѣтилъ онъ: ломать казенныхъ стеколъ не будете; вѣстимо нахлобучка будетъ.

Надоѣло мнѣ съ нимъ возиться, и видя, что его ничѣмъ не урезонишь, я моментально очутился на табуретѣ. Минута, — и камера наполнилась трескомъ стекла. Жандармъ такъ и обомлѣлъ, вѣроятно не предвидя такого скверная оборота. Свѣжая струя

воздуха съ силой ударила меня по лицу, и я съ истиннымъ удовольствіемъ вдыхалъ въ себя ранній, свѣжій воздухъ весны.

— А вотъ я жандармскому полковнику пожалуюсь, произнесъ жандармъ съ паѳосомъ: Я предупреждалъ васъ, а вы вотъ не послушались. Нагоритъ вамъ.“

— Больше ничего?“ спросилъ я.

— „Нѣтъ“, отвѣтилъ жандармъ и съ злостью стукнулъ моей дверью. До слуха моего явственно стали доноситься звуки, раздававшіеся внѣ и внутри тюрьмы, и я несказанно обрадовался этому обстоятельству. Замокъ опять щелкнулъ, и на порогѣ появился старшой съ какой-то книгой въ рукахъ.

— Вотъ вамъ, чтобы не скучали, очень интересная книжка для чтенія“.

Книга эта представляла собою какой-то № журнала „Православное обозрѣніе“ за 1883 годъ. Слишкомъ незаманчивымъ представлялось мнѣ содержаніе этой „даже очень интересной книжки“, но считаясь съ условіями времени и мѣста, я принялся за чтеніе. Неоднократно являлось желаніе бросить чтеніе и забросить окончательно книжку, но сознаніе, что это моя единственная умственная пища, не давало мнѣ возможности совершить это. Я отъ альфы до омеги прочелъ этотъ №, прочелъ обстоятельную статью О житіи св. Амвросія и ему подобныхъ, объ архангелѣ Божіемъ Гавріилѣ и многомъ другомъ крайне

занимательномъ. Прочелъ также о переселеніи душъ, основанномъ якобы на „научныхъ данныхъ“, какъ гласитъ предисловіе, и много всякой дряни, успѣвшей помѣститься въ этомъ номерѣ журнала.

Чтеніе, собственно говоря, считалось роскошью у заключенныхъ, объ удобствахъ которыхъ меньше всего заботятся наши жандармскіе палачи. Бывало такъ, что проходили чуть ли не недѣли, пока я, наконецъ, попадалъ въ число счастливцевъ, т. е. получалъ какую нибудь дрянь вродѣ „Православнаго обозрѣнія“, „Душе спасительнаго чтенія“ и „Странника“. Это, какъ я замѣтилъ, и составляло всю библіотеку, ибо кромѣ перечисленныхъ книгъ существовали еще только двѣ: „Исторія кусочка угля“ Чистяковой и № 8 „Историческ. вѣстн.“ за 1872 г. Но книжки эти были настолько истрепаны, настолько испещрены надписями заключенныхъ, перебывавшихъ до моего времени въ тюрьмѣ, что больше приходилось догадываться, чѣмъ читать. Книги эти, надобно замѣтить, попадали лишь къ тѣмъ изъ заключенныхъ, которые умѣли ихъ настойчиво требовать у руководившаго нашимъ чтеніемъ жандарма . . . Съ какимъ захватывающимъ интересомъ читались мною книги, подносимыя любезной жандармской рукой, не трудно догадаться. Можетъ ли человѣкъ думать о темныхъ житіяхъ, еще болѣе темныхъ святыхъ, когда и все то его пребываніе здѣсь-плодъ очевиднаго недоразумѣнія, всѣ помыслы его, всѣ желанія направлены къ тому, чтобы это недоразумѣніе

скорѣе разсѣялось и можно было выбраться на свободу изъ подъ бдительной опеки еще болѣе бдительнаго начальства. И эти неотвязныя мысли вносятъ еще лишнюю однотонность въ безцвѣтную жизнь, которую влачатъ заключенные. Эти же мысли бродили у меня въ головѣ, когда разнесся звукъ колокола, возвѣщавшій о наступленіи обѣденнаго времени. Вмигъ все засуетилось и зашумѣло. По двору потянулись вереницы арестантовъ, видимо возвращавшихся изъ различныхъ мастерскихъ, въ которыхъ они работали. Однообразіе ихъ костюмовъ ужасно утомляло мой глазъ, пока я не свыкся съ нимъ. По походкѣ ихъ, по движеніямъ ихъ видно было, что большинство ихъ-давніе обитатели тюрьмы, и видно было, что они очень обрадовались звуку колокола, соединяя съ этимъ понятіе какъ о предстоящей ѣдѣ, такъ и о возможности на нѣсколько минутъ поразнообразить свою безцвѣтную жизнь. Вотъ прошла партія кандальныхъ съ полуобритыми головами, закованные въ цѣпи, производившія душу раздирающій лязгъ. По крайне апатичной походкѣ видно было, что они ужъ всѣ счеты свели съ жизнью и медленно, подобно свѣчѣ угасаютъ, потерявъ всякую надежду на болѣе лучшее будущее. Впереди ихъ, по сторонамъ и позади, шествовала тюремная стража, и ясное дѣло, не особенно честила родъ сей, разражаясь въ лучшемъ случаѣ русскимъ крѣпкословіемъ по ихъ адресу, а то давая пинки и затрещины. . . . Сердце сжималось отъ

боли при видѣ этого печальнаго шествія. Хотѣлось воскликнуть: „Люди, вѣдь это жъ братъ вашъ родной, братъ вашъ, убитый судьбой!“ . . . Но . . . какой смыслъ имѣетъ слово тамъ, гдѣ господствуетъ кулакъ?

Я сошелъ съ табурета и принялъ его на всякій случай отъ окна. Подошедши къ двери моей камеры, я могъ разслышать стукъ котовъ по каменнымъ плитамъ тюремнаго замка. Это спѣшили хожалые на кухню со своими мѣдными ведрами, наполняя ихъ жидкостью какого то неопредѣленнаго цвѣта.

— Обѣдъ“, раздался за моею дверью звучный голосъ хожалаго „фонаря“, и мигомъ открылась форточка моей двери. Я подставилъ чашки, которыя моментально наполнились жидкостью. Форточка закрылась, и я приступилъ къ моему обѣду. Я достаточно проголодался за это время и съ отчаянною жадностью вооружился ложкой, готовясь вкусить мою болѣе, чѣмъ скромную трапезу. Но запахъ этой жижи меня сразу оттолкнулъ, вызывая во мнѣ ужасное отвращеніе. Она напоминала собой жидкость, извлеченную изъ любой помойной ямы, но отнюдь не запахъ какого либо кушанья. . . . Дай-ка, думаю, подожду, авось обѣдъ остынетъ и возможно будетъ его ѣсть. Я всталъ и началъ прохаживаться по камерѣ, занятый мыслью объ обѣдѣ. Но голодъ мой не успокаивался, и я опять подошелъ къ столу, на которомъ стоялъ мой обѣдъ. Я хлебнулъ изъ этой чаши, и меня настолько стошнило, что я съ отчаяніемъ

схватился съ мѣста и бросилъ чортъ знаетъ куда ложку. Вотъ ужъ прошло довольно много времени съ тѣхъ поръ, но я и теперь не могу безъ отвращенія вспомнить объ этой пищѣ. Черезъ минуту жидкость эта заняла вполнѣ приличное мѣсто въ парашѣ. Я съѣлъ имѣвшійся у меня черный казенный хлѣбъ, т. н. паекъ въ два фунта. Но это, однако, не удовлетворило моего аппетита, а наоборотъ усилило его. Наступили, странно сказать, мучительныя минуты. Я призвалъ жандарма и просилъ купить на имѣвшіяся у меня деньги чего нибудь съѣстного.

— Видите ли, господинъ, отвѣтилъ онъ: время таперича какъ бы сказать послѣобѣденное, а вамъ коли ежели понадобилось изъ съѣдобнаго, вы утромъ доложили бы мнѣ, такъ какъ въ городъ, извѣстное дѣло, теперь не ходятъ за покупками, а только утромъ.

Я указывалъ на то, что я здѣсь всего то 1ый день, и стало быть правила мнѣ еще неизвѣстны. Однако, это не помогло. Онъ твердо стоялъ на уставѣ, указывая, что даже если и бывали случаи, когда и послѣ обѣда ходятъ въ городъ, то не иначе, какъ для нѣсколькихъ человѣкъ „въ гуртъ“.

— Да и зачѣмъ то понадобилось вамъ съѣдобное?“ обратился онъ ко мнѣ: „Вѣдь только же обѣдъ былъ“.

Я замѣтилъ, что ему до этого никакого дѣла

нѣтъ, а затѣмъ, что обѣдъ мой нынѣ обитаетъ въ парашѣ.

— Зачѣмъ же вы это сдѣлали? Можно было бы отдать какому нибудь арестанту, они у насъ обжоры."

— А скажи-ка, любезный, обратился я къ жандарму: „кромѣ обѣда ничего болѣе не полагается для заключенныхъ?

— Какъ не полагается? Скоро кипятокъ будетъ, а вечеромъ ужинъ. Заварите себѣ чаю, и будетъ горячая закуска", и при этомъ жандармъ улыбнулся такой слащавой улыбкой, что мнѣ хотѣлось плюнуть ему въ рожу. Говоря съ заключенными, они необычайно вѣжливы и деликатны въ выраженіяхъ и доходятъ въ этомъ отношеніи прямо до смѣшного, но все это возможно, если дѣло происходитъ tête à tête. Стоитъ только отвернуться и увы! куда дѣлась эта изысканность манеръ и рѣчи. Сразу видна русская натура. . . .

Въ ужасной задумчивости началъ я шагать по камерѣ, въ длину, въ ширину, по діагонали, словомъ я принималъ всѣ положенія, допускаемыя моей камерой, чтобы хоть на короткое время забыться и умѣрить до извѣстной степени мой дьявольскій голодъ. Но ни то, ни другое не удавалось, и это ужасно раздражало меня. Я звонилъ въ звонокъ, чтобы призвать вторично жандарма, но тщетно. . . . Точно все вымерло. Я отходилъ отъ двери, снова шагалъ по камерѣ и снова принимался звонить. Видя полнѣйшую

безуспѣшность такихъ мѣропріятій, я рѣшилъ принять новое положеніе, и разостлавъ на полу мою шинель я, какъ снопъ, повалился на нее. . . . Голова горѣла, всякій ударъ сердца явственно отдавался въ моихъ ушахъ, и казалось, вотъ вотъ оно выпорхнетъ изъ клѣтки грудной. Внезапно воскресло у меня все мое прошлое, и страшно тяжело сдѣлалось на сердцѣ. Что дальше было, ужъ не помню. Помню только то, что будто сквозь сонъ я слышалъ слова, обращенныя повидимому ко мнѣ. Наконецъ, я ясно разслышалъ слова: „Господинъ, а господинъ, встаньте.“

Я какъ ужаленный схватился и всталъ на ноги. Старшо́й произнесъ: „Пожалуйте на допросъ въ тайную канцелярію.“

Я видимо здорово соснулъ, такъ какъ не сразу понялъ его. Жандармъ повторилъ свое обращеніе и особенно подчеркнулъ „тайную канцелярію“, очевидно, чтобы привести меня въ страхъ и такимъ образомъ вынудить признаніе. Эта мѣра, видно, исходила отъ высшихъ представителей жандармеріи, такъ какъ низшіе, обладая замѣчательною тупостью, наврядъ ли додумались бы до такой „штуки“. Я разумѣется и до ареста зналъ, что допросы необходимая вещь для заключеннаго, разъ на тебя смотрятъ, какъ на преступника, да еще политическаго. Но слова „тайная канцелярія“ ужасно непріятно прозвучали въ моихъ ушахъ, воскресая въ умѣ времена Бирона. Тогда палачи открыто терзали свою жертву, и человѣкъ,

попавшій въ тайную канцелярію, уже заранѣе отлично понималъ, что ему придется испытать. И расправа надъ нимъ была коротка. Современные же представители жандармеріи подобно кошкѣ вначалѣ играютъ своею жертвой, крайне милы въ разговорахъ, но это только до тѣхъ поръ, пока или твердо стоишь на упорномъ отрицаніи своей виновности, или же павши духомъ и доведенный до бѣлаго каленія ихъ допросами не сознаешься предъ ними въ возводимомъ на тебя преступленіи; тогда вся ихъ деликатность быстро исчезаетъ. Время, выбранное для допроса, показалось мнѣ слишкомъ неудобнымъ, такъ какъ я находился въ полусонномъ состояніи, и при такихъ условіяхъ нетрудно попасть подъ удочку жандармеріи. Со сна, и вдобавокъ безпокойнаго, въ головѣ у меня происходила полнѣйшая анархія, и я сообразилъ, что при такихъ условіяхъ слишкомъ рисковано быть допрашиваемымъ палачами. Я рѣшилъ подъ какимъ либо предлогомъ остаться въ камерѣ и привести въ порядокъ сумбуръ мыслей въ моей головѣ.

— Куда это идти надо? спросилъ я жандарма.

— А вотъ, въ канцелярію.

—Силъ у меня, голубчикъ, нѣтъ, самъ видишь, боленъ я“, отвѣтилъ я, рѣшивъ прибѣгнуть къ этой хитрости, воспользовавшись моимъ усталымъ и измученнымъ видомъ.

— А ужъ это не могу, не приказано, громко произнесъ жандармъ.

— Да и я не могу", возразилъ я.

Жандармъ, не говоря ни слова, вышелъ, и я тотчасъ же вымылся холодною водою, желая освѣжиться немного, и началъ обдумывать, какъ держать себя на допросѣ. . . . Это продолжалось около получасу, какъ вдругъ дверь открылась и предъ моими глазами предстала какая-то безформенная масса въ формѣ жандармскаго офицера съ заплывшими отъ жиру глазами. Видно, что не мало трудовъ стоило ему добраться до 4го этажа. Онъ весь, подобно локомотиву, пыхтѣлъ, отдувался и стиралъ потъ съ лица. Наконецъ, обратившись ко мнѣ, онъ произнесъ: „Пожалуйте на допросъ." Мигомъ одѣлся я, и дверь за нами закрылась. Началось шествіе по лѣстницамъ. Для меня очень выгодною оказалась тучность моего офицера, такъ какъ пока онъ слѣзалъ со ступеньки на другую, поминая при этомъ чорта, я уже очутился внизу и разсматривалъ все встрѣчавшееся на пути. Это продолжалось добрыхъ минутъ 20, такъ какъ моему проводнику вздумалось набить свою трубку табакомъ, на что тоже ушло у него минутъ 10, принимая во вниманіе его неторопливость. . . . Шаги наши гулко отдавались по корридору. По дорогѣ успѣлъ я прочесть: „Ванная", „Кабинетъ присяжныхъ повѣренныхъ", „Уголовная канцелярія", „Кандальныя", „Цехгаузъ", „Мѣсто свиданій уголовныхъ", „Мѣсто свиданій секретныхъ", „Контора". Въ глазахъ рябило отъ этой пестроты надписей. Мы очутились у первыхъ желѣзныхъ во-

ротъ внутренней тюрьмы. Ключникъ, увидѣвшій меня въ сопровожденіи офицера, широко раскрылъ двери, черезъ которыя едва пролѣзъ мой офицеръ. Наконецъ, послѣ долгихъ путешествій мы очутились около двери, на которой крупными буквами было написано „Секретная“. Эта то комната и должна была меня принять въ свои объятія. — „Виноватъ, обождите здѣсь съ минуту“, произнесъ офицеръ: „Я о васъ доложу начальнику жандармскаго правленія“. И мигомъ онъ исчезъ, закрывъ за собою дверь. Минуты двѣ простоялъ я около нея, послѣ чего успѣлъ разслышать: „Веди“. Дверь открылась, и я предсталъ предъ грозныя очи начальника жандармской полиціи.

---

3. Первый допросъ. — Избіеніе двухъ „уголовныхъ“.

Представьте себѣ костистую фигуру со впалыми мутными глазами, длинной жидкой бородкой и коричневыми руками, прибавьте къ этому поразительное сходство со скелетомъ, котораго заставили двигаться на винтахъ и пружинахъ, одѣньте эту фигуру въ мундиръ неопредѣленнаго цвѣта, усѣянный на груди орденами и звѣздами, — и предъ вами будетъ портретъ одесскаго жандармскаго полковника. Комната, въ которую меня ввели, имѣла треугольную форму, съ расположенными по угламъ шкафами, съ вырази-

тельною надписью „Дѣло“. Надъ чугунной печкой паукъ развелъ свою паутину, придавъ ей форму причудливаго шестиугольника. Два окна съ рѣшетками на нихъ давали возможность и сюда заглянуть свѣту. Со двора доносились звуки гуляющихъ арестантовъ, видимо обрадовавшихся хоть кажущейся минутной свободѣ.

— Пожалуйста, садитесь!“ обратился ко мнѣ полковникъ и указалъ мнѣ на стоявшій около стола стулъ. Я усѣлся, заранѣе представивъ себѣ содержаніе его вопросовъ и тонъ, которымъ онъ будетъ задавать эти вопросы. Мнѣ не пришлось долго дожидаться. Собравъ предварительно различныя мелкія свѣдѣнія о моихъ родныхъ, онъ торжественнымъ тономъ произнесъ: „Вы обвиняетесь въ участіи въ Южнорусск. рабоч. союзѣ. У васъ на дому собирались рабочіе, трактовали о различныхъ противозаконныхъ вопросахъ и ставили себѣ задачей уничтоженіе монархическаго строя въ Россіи.“ Слова эти меня крайне поразили, потому что я лишь изъ его словъ узналъ о существованіи подобнаго союза. Замѣтивъ поэтому, что я не только не принималъ участія въ названномъ союзѣ, но и прямо не знаю о его существованіи, я просилъ на этомъ основаніи снять съ меня обвиненіе, какъ лишенное основанія. Полковникъ, усмѣхнувшись, произнесъ: „Вы всѣ такъ, сироты казанскія, незнайками прикидываетесь. Посмотримъ, что запоете вы на слѣдующихъ допросахъ“.

— Больше ничего? спросилъ я.

— А чего бы вы еще хотѣли? А можетъ быть все таки кое-что скажете намъ? произнесъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я и поднялся со стула.

— Такъ я напишу, что вы отрекаетесь отъ дачи показаній.

— Пишите, отвѣтилъ я равнодушно.

Написавъ, что я отрекаюсь отъ дачи показаній, онъ указалъ мнѣ на мѣсто подписи. Я росписался.

— Усовъ! отведи его, обратился онъ къ стоявшему за дверью жандарму. Мигомъ дверь открылась, и на порогѣ я увидѣлъ жандарма, любезно предложившаго мнѣ свои услуги.

— Пойдемте наверхъ", обратился онъ ко мнѣ. Признаться, въ эту минуту состояніе было у меня равнодушно-тупое, и мнѣ было совершенно безразлично, поведутъ ли меня наверхъ или внизъ, хотѣлось только — уединенія и не видѣть такимъ образомъ всѣхъ этихъ орудій правосудія. Шествіе продолжалось недолго, и черезъ нѣсколько минутъ я уже расхаживалъ въ своей клѣткѣ, подводя такъ сказать итоги этому дню. Темнѣло, я зажегъ лампу и принялся опять за свое расхаживаніе.

— Ужинъ, раздалось вскорѣ за моей дверью. Форточка моей камеры моментально открылась, и я успѣлъ разглядѣть за нею хожалаго съ мѣднымъ большимъ ведромъ, наполненнымъ бѣлой кашей. Я подставилъ чашку къ форточкѣ, и чашка черезъ минуту явилась

ко мнѣ съ преміей. При этомъ, принимая чашку изъ рукъ арестанта, я замѣтилъ хитрую улыбку въ его живыхъ маленькихъ глазкахъ. Я не понялъ тогда причины этого смѣха и счелъ его простой шуткой. Съ тюремнымъ ужиномъ можно было кое-какъ примириться: въ немъ не было того специфическаго запаха, вѣрнѣе вони, которой уснащенъ былъ обѣдъ. Унося чашку ко столу, я увидѣлъ на полу свернутую бумажку, и тутъ улыбка арестанта сама собою разъяснилась. Конечно, я съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ принялся разворачивать записку, зная заранѣе, что писать эту записку могъ только коллега по положенію. И я не ошибся.

Я долженъ здѣсь замѣтить, что способомъ сношенія между заключенными служитъ т. н. перестукиванье. Посредствомъ него представляется возможность переговариваться между собою, прочитывать другъ другу что либо изъ оставшагося въ памяти. Является даже возможность играть въ шахматы и шашки, не видя другъ друга. А дѣлается это очень просто. Вся азбука сводится къ 24 буквамъ и распредѣляется по классамъ. Классовъ шесть. Въ каждомъ классѣ по 4 буквы. Этой азбукой и пользуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и благодаря ей я часто забывалъ о своемъ горькомъ положеніи. 24 безжизненныхъ буквъ уносили меня въ разговорахъ съ сосѣдями далеко, далеко . . .

Вотъ въ краткихъ словахъ методъ перестукиванія.

Если является у меня желаніе говорить, я подхожу къ стѣнѣ сосѣда и стучу 3 раза-знакъ, что я желаю говорить. Сосѣдъ бьетъ 5 разъ-значитъ, слушаетъ меня. Затѣмъ я стучу классъ, въ которомъ находится буква. Напр., слово „да“. Буква „д“ находится во 10мъ классѣ, а по счету 1ая въ этомъ классѣ. Я, такимъ образомъ, сначала стучу 2 раза, для того, чтобы сосѣдъ могъ знать, въ какомъ ему классѣ искать букву, а послѣ непродолжительной паузы я стучу 1 разъ. Далѣе буква „а“, находится она въ 1омъ классѣ и по счету 1ая, стучу 1 разъ, а затѣмъ другой. Если сосѣдъ меня понялъ, онъ стучитъ 2 раза, въ случаѣ противномъ дробью. Вотъ такимъ-то установившимся способомъ и пользовались мы въ тюрьмѣ, причемъ и начальство отлично знаетъ объ этомъ, но ничего подѣлать разумѣется не можетъ.

Въ подброшенной мнѣ запискѣ и была изображена эта азбука и наставленіе, какъ пользоваться ею. Писавшему пришлось, очевидно, претерпѣть порядочныя страданія, пока ему удалось нанести на бумагу нѣсколько словъ: чернилъ или карандаша заключенному имѣть не полагается, но заключенные не останавливаются предъ этимъ препятствіемъ. Тутъ являются на помощь и обожженныя спички, лимонъ, свинцовая бумага изъ подъ чая, свернутая въ палочку, словомъ, изобрѣтательность заключеннаго принимаетъ въ этомъ отношеніи поразительные размѣры. Записка была отъ сосѣда, такъ какъ была отмѣчена цыфрою 306. За-

помнивъ расположеніе всякой буквы, я записку уничтожилъ, такъ какъ и въ самой тюрьмѣ производятся обыски . . . Съ радостнымъ трепетомъ подошелъ я къ стѣнѣ и стукнулъ 3 раза. Мгновенно я разслышалъ съ другой стороны 5 мѣрныхъ ударовъ; и стѣна, безмолвная стѣна одухотворилась и разсказала мнѣ о тѣхъ нравственныхъ и физическихъ страданіяхъ, которыя переживалъ мой сосѣдъ, симпатичный, честный человѣкъ, попавшій въ тенета правосудія только по недоразумѣнію. Сердце наполнилось у меня горечью, какъ у человѣка, который видитъ въ страданіяхъ другого отраженіе своихъ же собственныхъ, и чѣмъ ощутительнѣе становились они для меня, тѣмъ невыносимѣе, тѣмъ больше крѣпло сознаніе о гнуснѣйшемъ насиліи надъ нами со стороны властей и тѣмъ ожесточеннѣе рвался наружу протестъ противъ этой гнусной расправы . . .

Прошло что-то дней восемь, когда однажды вечеромъ постучался ко мнѣ жандармъ. Поздоровавшись, онъ подалъ мнѣ для подписи повѣстку о полученіи на мое имя денегъ. Уходя, жандармъ спросилъ, не хочу ли я пользоваться т. н. дворянскимъ обѣдомъ, состоящимъ изъ двухъ блюдъ. Это обстоятельство меня очень обрадовало, такъ какъ уже больше недѣли я питался селедками и всякой дрянью, никакъ не будучи въ состояніи примириться съ отчаяннымъ зловоніемъ обѣда. Я охотно согласился ежемѣсячно платить 7 руб. 50 коп., чтобы по крайней мѣрѣ

питаться и жить растительною жизнью, разъ невозможна духовная. Деньги политическимъ преступникамъ на руки не выдаются съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы лишить ихъ возможности подкупать арестантовъ — этихъ тюремныхъ почтальоновъ. Уголовнымъ деньги выдаются на руки, но имъ воспрещаются употребленіе крѣпкихъ напитковъ и табаку. Это правило какъ нельзя болѣе на руку надзирателямъ, которые за утроенную и за учетверенную плату доставляютъ уголовнымъ арестантамъ и то и другое. И я убѣжденъ, что за особую плату надзирателя могутъ доставить удовольствіе и иного характера ... Для политическихъ же существуютъ особаго рода книжечки, въ которыя вносится состояніе ихъ бюджета. А бюджетъ этотъ составляется понятно изъ денегъ, присылаемыхъ на имя заключеннаго. Обыкновенно, если потребовался какой нибудь продуктъ изъ потребительной лавочки, я записывалъ его названіе въ книжечкѣ. Это дѣлалось всегда утромъ, а къ обѣду жандармъ приносилъ мнѣ требуемые и обозначенные мною въ книжечкѣ продукты. Я пользовался также ежедневно молокомъ, такъ что это хотя въ слабой степени украшало и дѣлало сносною мою горемычную жизнь ... Жандармъ долго не безпокоилъ меня своимъ присутствіемъ, и какъ только онъ вышелъ, я скинулъ съ себя нѣкоторыя принадлежности моего туалета, такъ какъ въ камерѣ сдѣлалось очень душно. Я раскрылъ окно, что мнѣ было разрѣшено, послѣ того какъ вы-

битое мною стекло вставили снова на мой счетъ, и сталъ вдыхать въ себя воздухъ темнаго вечера. Дискъ луны, огромный и кроваво красный, поднимался гдѣ-то далеко за тюрьмою и смотрѣлъ изъ тьмы, словно глазъ чудовища, рожденнаго ею. Она медленно поднималась на небѣ, точно роковая необходимость ея движенія утомляла ее. Неясные звуки носились въ воздухѣ, долетая со стороны дачной мѣстности. Подъ окномъ моей камеры въ травѣ порой раздавался какой-то шорохъ. А въ общемъ царила тишина. Я стоялъ долго и смотрѣлъ въ даль, и мысль о свободѣ, о дорогой свободѣ не отступала отъ меня. По ассоціаціи мыслей предъ глазами являлись товарищи, друзья, родные, образы которыхъ поминутно появлялись точно въ калейдоскопѣ. Это единственныя минуты, когда заключенный живетъ, а не существуетъ: эти воспоминанія, унесенныя со свободы, однѣ только способны поддержать заключеннаго, ими то и надеждами на лучшее будущее живетъ и питается заключенный. Блаженныя, дорогія минуты! Предъ глазами опять проходитъ дѣтство, отрочество и юность, проведенная въ учебномъ заведеніи, съ которымъ у меня были связаны самыя радужныя воспоминанія. Въ такія минуты забываешь свою обстановку; кажется, будто говоришь съ кѣмъ то, съ ожесточеніемъ споришь о чемъ то, и воображеніе идетъ въ этомъ отношеніи очень далеко ... Но чу! ... Что то стукнуло и зазвенѣло, кажется, ружейный прикладъ.

Стукъ повторяется, становится сильнѣе, и все ближе и ближе долетаетъ до моего уха. Весь тюремный дворъ наполнился дымомъ отъ ружейныхъ выстрѣловъ, раздался бѣшенный крикъ „лови“, а за нимъ въ унисонъ „Слушай“. Мигомъ дворъ наполнился часовыми и ключниками. Въ тюрьмѣ наступило смятеніе; по плитамъ тюремныхъ корридоровъ послышалась учащенная походка надзирателей, сопровождаемая крутой бранью по адресу тюремной стражи, и мигомъ вся тюрьма встала на ноги. То тамъ, то сямъ раздавались возгласы арестантовъ, слѣдовали сальныя остроты, ругань, послышалось бряцанье шпоръ, лязгъ цѣпей кандальныхъ, поднявшихся со своихъ наръ. Въ тюрьмѣ воцарился хаосъ, а съ тюремнаго двора раздавалось учащенное „Лови“ и ежеминутные выстрѣлы. За тюрьмой раздавались сигнальные свистки. Причины этаго смятенія вскорѣ выяснились — оказалось, два арестанта-каторжника бѣжали. Тутъ-то я ясно понялъ, что первоначальный стукъ исходилъ отъ ихъ цѣпей, повидимому въ то время, когда арестанты готовились вскочить на заборъ. Несчастные, ихъ манила волюшка, которая принимаетъ въ глазахъ заключеннаго особый оттѣнокъ... Но увы! Страшное „стой“ раздалось въ воздухѣ. „Вяжи!“ . . . Держи! Мотри мнѣ! Ишь, шелмецы, арестанты, волюшки хотѣлось тебѣ, вотъ погоди-ка волюшку тебѣ зададимъ, и въ жисть ея не захочешь! Давай огня! Мигомъ были зажжены всѣ электрическія дуговыя лампы,

экономіи ради никогда не горѣвшія. На дворѣ тюрьмы стало свѣтло, точно въ хорошую свѣтлую погоду днемъ, и вотъ что я увидѣлъ. Шагахъ въ десяти отъ окна моей камеры на землѣ валялись два арестанта, окруженные усиленной стражей, изъ которой каждый считалъ своимъ священнымъ долгомъ смазнуть по лицу иль груди, прибѣгая при этомъ къ необычайно изысканнымъ выраженіямъ.

— Что арестанты, каторжане нехристи, душъ православныхъ сколько извели, — бѣжать? Молчи, окаянный!

— Митричъ! пробери немного косточки! Эй, кто тамъ еще, валяй сколько влѣзетъ! ораторствовалъ повидимому старшій изъ надзирателей, такъ какъ остальные стояли предъ нимъ, вытянувши руки по швамъ въ благоговѣйномъ молчаніи. А на землѣ валялось два существа въ изодранныхъ арестантскихъ костюмахъ. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ лѣтъ повидимому 35 или 40, лежалъ точно мертвый, другой, парень лѣтъ 23-хъ, дѣлалъ конвульсивныя движенія, стараясь что-то произнести — онъ то приподымался, то тотчасъ же съ грохотомъ опять валился на землю, раскрывая при этомъ грудь, изъ которой сочилась кровь. Здоровый и мускулистый, онъ являлся живымъ контрастомъ по отношенію къ своему коллегѣ, человѣку маленькому, съ худымъ маленькимъ лицомъ, обрамленнымъ жидкой бородкой. Расходившаяся же стража пришла въ азартъ, не разбирая куда и чѣмъ бьетъ, каблукомъ

такъ каблукомъ, въ грудь — валяй въ грудь, арестанту все причинить можно, тѣмъ болѣе уклонившимся отъ несенія кары! . . . При каждомъ ударѣ слѣдовалъ отчаянный, душу раздирающій крикъ и вопль о помощи молодого арестанта, видимо нѣсколько пришедшаго въ себя. Горько и тяжело было смотрѣть на это истязаніе, совершенное съ такою торжественностью въ присутствіи цѣлаго табуна тюремной сволочи, именуемой стражей. Я ушелъ отъ окна, полагая, что ихъ скоро отнесутъ вѣроятно въ больницу, чтобы оказать необходимую и первую помощь въ такихъ случаяхъ, но вернувшись черезъ нѣкоторое время опять къ окну, я увидѣлъ, какъ два ключника схватили парня, пытавшагося по ихъ мнѣнію бѣжать и точно по командѣ поднявъ его, они быстро бросали его на землю и каждый разъ съ возрастающей силой. Вдругъ рядомъ со мной я услышалъ: „Что вы, господа, дѣлаете? вы замучите ихъ!“ На что послѣдовали различные отвѣты.

Одинъ изъ ключниковъ произнесъ: Да вотъ нѣшто не видишь, бѣглые то. Это по его мнѣнію вполнѣ оправдывало ихъ образъ дѣйствій по отношенію къ арестантамъ. Другой прямо отвѣтилъ: „А вамъ до этого дѣла нѣтъ. Вы бы лучше спать-то легли, часъ ужъ не ранній. Ишь тоже начальство отыскалось“... И протесты моего сосѣда, оказались, какъ и слѣдовало ожидать напрасными. Повидимому истязатели ожидали кого-то — и этотъ кто-то не замедлилъ своимъ

приходомъ. Вся расходившаяся толпа выстроилась въ шеренги. Собравъ объ арестантахъ различныя свѣдѣнія, начальникъ тюрьмы распорядился призвать больничнаго служителя съ носилками.

— Какъ же такъ они тяжко поранены? обратился онъ къ молчавшей стражѣ.

— Да вѣстимо бѣжали, а потомъ пуля шальная угостила ихъ, ну значитъ и того . . .

— Ваше благородіе! услышалъ я глухой подавленный голосъ парня арестанта: Прикажите ваше благородіе отнести меня въ камеру, больно ужъ скверно приходится мнѣ. Вижу, что конецъ пришелъ, заставьте о себѣ вѣчно Бога молить. Умереть хочу по православному, среди арестантовъ миленькихъ, отпустите душу на покаяніе. Попытавшись приподняться, онъ съ грохотомъ повалился на землю, издавъ при этомъ нечеловѣческій крикъ и мольбу о помощи.

— Глянь-ка на другого, каковъ тотъ? обратился начальникъ къ стоявшей стражѣ. Одинъ изъ ключниковъ нагнулся къ другому арестанту, но сейчасъ же поддался назадъ.

— Ваше благородіе! Богу душу отдалъ, ясно отчеканилъ онъ троекратно перекрестившись.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ начальникъ: Вотъ такъ дѣло! Какъ же это такъ случилось? Признайтесь, кто первый билъ его? кто велѣлъ бить-то.

Молчаніе.

— Ну, что, господа, такъ-таки и не скажете? пого-

дите же узнаю самъ все это, а тогда предупреждаю будетъ . . :

Послѣднія нѣсколько словъ какъ нельзя лучше подѣйствовали на стражу, и одинъ изъ нихъ произнесъ нерѣшительно.

— Ваше благородіе, оно настоящаго битья-то не было. Какъ только Михѣевъ замѣтилъ арестантовъ, ну „кто тамъ“? Не отзываются. Три раза по закону спрашивалъ онъ эдакъ, и потомъ „пли“ и какъ видите сердечко-то немного прижало этому, а другой ваше благородіе, и раньше жилъ былъ слабенькій такой, упалъ видимо со стѣны и тутъ духъ-то спустилъ. Зачѣмъ же бить то ихъ, нешто не православные? тоже въ Христа вѣдь вѣруютъ, хоть и убивцы, они, а смирненькіе такіе. Правда одного-то почти Митричъ пригладилъ да это пустяшное дѣло, ваше благородіе. Ну потомъ Григорій немного по головѣ. —

— Ну а остальные? обратился начальникъ.

— Такъ легонько, кто за уши подеретъ, а кто, толкнетъ только ужъ не больно.

Эта откровенность видимо поразила начальника, и онъ вскрикнулъ „Скоты“! что вы изъ 2хъ то человѣкъ сдѣлали, одинъ ужъ Богу душу отдалъ, да и другой также туда же поплетется. Что вы сдѣлали гады, ироды. Кто первый билъ ихъ?

— Митричъ . . . нѣтъ не Митричъ . . . Григорій, нѣтъ Михѣевъ“ и начальнику понятно трудно было узнать кое-что опредѣленное изъ этого хаоса голосовъ.

— Вотъ видите, мерзавцы, вамъ что, если человѣка убьете, а еще надзирателя!

— Куда, ваше благородіе, прикажете больныхъ-то помѣстить? обратился къ начальнику больничный служитель изъ арестантовъ, явившійся съ носилками.

— Погоди! отвѣтилъ начальникъ: этого въ мертвецкую, а погляди-ка можетъ живъ онъ". Больничный служитель нагнулся къ арестанту, взялъ его за руку, клалъ руку къ ушамъ, но повозившись съ нимъ нѣсколько минутъ съ видомъ опытнаго спеціалиста приподнялся и произнесъ: „Температура" смерзла ужъ, совсѣмъ ужъ померъ.

— Этого значить въ мертвецкую, а того другого въ палату для раненыхъ, да смотри, поосторожнѣй-то обращайся съ больнымъ то.

Мгновеніе — и арестанты очутились на носилкахъ и съ такой же поспѣшностью отнесены были къ мѣсту назначенія.

— Маршъ по постамъ, произнесъ начальникъ стражѣ: завтра ужъ разберу, какъ дѣло-то обстояло.

Медленно стража начала расходиться и на лицахъ ихъ ясно видно было раскаяніе. Начальникъ быстро удалился, посѣявъ въ головѣ стражи много неразгаданныхъ думъ и сомнѣній.

— Да и то сказать, Митрычъ, больно ужъ слишкомъ смазнулъ ты его, оно чертовски знаешь выйдетъ, коли съ мѣста убраться прикажутъ. Семь лѣтъ проработалъ въ тюрьмѣ видитъ Богъ честно, не то чтобъ

хабары или взятки, живота не продалъ для пользы начальства, а теперь чуетъ сердце, вышвырнутъ отселева". — Опять таки, если ужъ бить то, такъ политично и хоронить концы въ воду, а то прямо скандалъ", произнесъ ключникъ Григорій. — „Да не растабаривай, Григорій обратился къ нему Митричъ. Коли ежели на чистую совѣсть — говорить-то, впервой ты его ударилъ въ ляжки, да еще приговаривалъ: бейте братцы, кто въ Бога вѣруетъ, мажьте, а теперя выходитъ какъ бы я впервой. Бога побоялся бы хоть. И какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, всякій старался умыть себѣ руки, взваливъ всю тяжесть преступленія на другихъ. Голоса наконецъ по мѣрѣ удаленія стражи начали утихать, а черезъ 2—3 минуты затерялись въ тишинѣ ночи. Тяжелое впечатлѣніе произвела на меня эта дикая расправа надъ живыми людьми, которые увы явились плодомъ фанатическаго отношенія къ буквѣ закона ... Я долго бродилъ по камерѣ, не зная, что дѣлать, что предпринять, чтобы забыться и хоть на нѣсколько минутъ не видѣть всего этого безобразнаго гнуснаго насилія, именуемаго закономъ. Улегся на койку и долго поворачивался съ боку на бокъ, бралъ книгу, но съ такимъ же успѣхомъ, до тѣхъ поръ пока свѣтать начало. Востокъ блѣднѣлъ и узкая полоса зари лежала на краю сизой тучи, неподвижно застывшей на горизонтѣ. Я опять повалился на кровать и заснулъ тяжелымъ безпокойнымъ сномъ ... Но спать пришлось

уже недолго . . . Раздался пронзительный звукъ колокола, а за нимъ грозное: „Вставай на молитву“. Второй звонокъ — и хоръ затянулъ: Отче нашъ. Заунывные звуки молитвы немилосерднымъ образомъ рѣзали мой слухъ. Окончивъ молитву, арестанты начали расходиться по камерамъ, вспоминая ночное событіе. Началось обычное до тошноты однообразное шествіе кандальныхъ по лѣстницамъ, сопровождаемое страшнымъ душу раздирающимъ лязгомъ, обычная роздача хлѣба и кипятку, и безцвѣтный день тюремной жизни начинался, чтобы затѣмъ уступить свое мѣсто другому такому же безцвѣтному дню. Я выпилъ чаю, прошелся нѣсколько разъ по камерѣ, по корридору мелькали фигуры жандармовъ, но меня они долго не безпокоили своимъ присутствіемъ. Подкрадывался арестантъ и тоже мгновенно исчезалъ, точно боясь внести хоть малѣйшее „dis“ въ распредѣленіе дня . . . Я еще разъ и еще разъ пробовалъ окончить чтеніе начатой статьи, но предъ глазами моими точно живая стояла эта гнусная картина, происшедшая на моихъ глазахъ. Въ ушахъ еще и до сихъ поръ раздавались крики караульныхъ и стонъ арестанта. Видѣть это гнуснѣйшее насиліе надъ живыми людьми, совершенное чуть ли не подъ самымъ носомъ твоимъ, и кромѣ того совершенное съ какою то торжественностью — сколько жгучихъ страданій способно это принести не скажу ужъ идеально доброму человѣку, но человѣку у котораго при отсутствіи мудрствованія лукаваго ужи-

вается извѣстная доля состраданія къ ближнему! Съ тяжелымъ чувствомъ бродилъ я изъ угла въ уголъ то скоро, то убавляя шагу, точно желая заглушить въ себѣ все рвавшееся наружу . . . Наконецъ, у меня въ камерѣ появляется сытое рыло жандарма и видимо теперь онъ ко мнѣ зашелъ за дѣломъ, — объ этомъ можно было судить по быстрой походкѣ. „Пожалуйте ка на дворъ“, произнесъ онъ. Признаться это приглашеніе меня очень обрадовало, такъ какъ ужъ больше недѣли я свѣта Божьяго не видѣлъ. А погода стояла такая дивная, свѣтлая, теплая, и тѣмъ сильнѣе напрашивалась мысль о прогулкѣ. Я уже разъ пробовалъ задобрить одного изъ жандармовъ, чтобы имѣть такимъ образомъ возможность хоть минутъ 5, 10 подышать чистымъ воздухомъ, но наткнулся на камень, и тогда то я заключилъ, что это нужно жандармеріи для непонятныхъ мнѣ цѣлей. Но вся эта нехитрая политика по мѣрѣ моего пребыванія въ тюрьмѣ очень просто разъяснилась. . . .

---

4. Жандармъ-философъ. — Монотонные дни.

Въ первой главѣ, изображая процессъ ареста, передачи арестованнаго начальству и заключеніе въ отдѣльную камеру, я уже коснулся и упомянулъ о

младшемъ жандармѣ, которому подлежитъ попеченіе объ арестованныхъ. Въ настоящей главѣ я остановлюсь на этомъ типѣ подольше. Дѣлаю я это потому, что при адскихъ условіяхъ одиночнаго заключенія всякая личность, соприкасающаяся съ интересами заключеннаго, изучается имъ крайне детально, и кромѣ того останавливаюсь на этомъ жандармѣ потому, что своими разсужденіями онъ доставлялъ мнѣ подчасъ минуты прекраснаго, искренняго смѣха, а для заключеннаго и это уже является событіемъ. По происхожденію крестьянинъ, онъ былъ человѣкъ грамотный. Умѣя, по его выраженію, даже и „ученыя книги читать“, онъ набросился на чтеніе книгъ, такъ какъ отъ людей видно слышалъ онъ, что онѣ-де многое человѣку растолкуютъ, а особливо христіанину. Въ тюрьмѣ онъ имѣлъ возможность пользоваться запасомъ книгъ тюремной библіотеки. Книги всѣ были богословскаго содержанія, но жандарма это видно меньше всего интересовало, „лишь бы читать что было“. Начитавшись житіями святыхъ, душеспасительными „словесами“ о тлѣнности жизни человѣческой и о порокахъ людскихъ, понимаемыхъ этими писаками субъективно, онъ сдѣлался чрезвычайно набожнымъ: трижды въ день молился, въ постъ не ѣлъ скоромнаго, въ баню аккуратно каждую субботу ходилъ, — короче говоря, въ смыслѣ исполненія обрядной стороны религіи церковь могла бы возгордиться такимъ чадомъ. Какъ истинный христіанинъ, онъ все сво-

бодное время отъ занятій посвящалъ благочестивымъ, либо разсужденіямъ о величіи Божіемъ, либо о грѣховности и невоздержаніи рода людского, причемъ возомнилъ себя чуть ли не апостоломъ. А что касается того, что онъ уголовнымъ арестантамъ втридорога продавалъ табакъ и спиртные напитки, объ этомъ онъ съ исторіей условились видно умалчивать, и такимъ образомъ эту миссію вынужденъ былъ взять на себя я. Чуть ли не ежедневно онъ простаивалъ у меня въ камерѣ цѣлые часы, разводя свою философію, вовсе не соображаясь съ тѣмъ, слушаю ли я его или нѣтъ. Какъ апостолъ, онъ меньше всего долженъ былъ, по его мнѣнію, смущаться этимъ. Желая въ такихъ случаяхъ затянуть его пребываніе у меня, я обыкновенно разжигалъ его, онъ бѣсился, выходилъ изъ себя и только лишь случайно посмотрѣвъ на часы, онъ моментально удалялся, оставивъ меня въ игривомъ настроеніи. Основнымъ базисомъ его философіи было св. писаніе, — оттуда онъ черпалъ и мораль, и житейскую мудрость, и наставленія „какъ жить должно“. Считая христіанство источникомъ живой воды, свѣтомъ благодати, а себя апостоломъ, онъ стремился сѣять сѣмена истины, гдѣ попало, указывая преимущества христіанской религіи надъ другими. Бывало такъ, напр., въ воскресенье послѣ обѣда, когда все и вся въ тюрьмѣ отдыхаетъ и въ тюрьмѣ воцаряется гробовая тишина, слышишь мѣрно раздается скрипъ сапогъ жандарма, скрипъ все при-

ближается и, наконецъ, явственно слышишь, какъ жандармъ поворачиваетъ ключъ въ замочной скважинѣ. Откроетъ бывало дверь, причемъ онъ непремѣнно скажетъ „не помѣшаю вамъ“ и при этомъ ужъ не упуститъ случая изрыгнуть какую нибудь религіозную глупость. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ садился на кровать и минутъ 10 проводилъ въ полномъ молчаніи, видно соображая или вспоминая что-то, наконецъ встрепенется, подымется съ мѣста и скажетъ: „А вотъ ужъ какъ оно выходитъ-то“ и пойдетъ . . . уши вянутъ отъ его нелѣпостей, при иныхъ условіяхъ я моментально выгналъ бы его, но считаясь съ условіями, я былъ радъ этому обстоятельству. Во мнѣ онъ всегда встрѣчалъ оппозицію, и это видно даже по вкусу пришлось ему, имѣя возможность такимъ образомъ распространяться на свою любимую тему. Однажды расфилософствовавшись со мною о превосходствѣ христіанской вѣры, онъ замѣтилъ, что счастіе тогда поселится между людьми, когда всѣ они будутъ озарены свѣтомъ христіанства. Желая немного подзадорить его, я сказалъ, что все это вмѣстѣ взятое ерунда. Нужно было видѣть впечатлѣніе, произведенное мною на это чадо церкви. Глаза его налились кровью, онъ весь до ушей покраснѣлъ и не помня себя, крайне разгнѣванный моментально исчезъ. Этимъ маневромъ, я полагалъ, будетъ отрѣзанъ ему доступъ въ мою камеру для миссіонерскихъ цѣлей, такъ какъ его умствованія поряд-

комъ таки успѣли надоѣсть мнѣ. Прошла недѣля, въ теченіе которой онъ сталкивался со мною на чисто „служебной“ почвѣ. Но въ слѣдующее воскресенье, какъ только обѣдъ кончился, онъ вошелъ ко мнѣ въ камеру, а на лицѣ его разлилась какая-то нѣга. Усѣвшись на кровать, помолчавъ свои 10 минутъ и сдѣлавъ свое обычное предисловіе, онъ началъ такъ: — Да еще ежели станемъ говорить, другія времена нонче пошли. У мое-то время бывало примѣромъ такъ, что дите какое ни на есть, какъ только подростетъ, батюшка да матушка скажутъ „садись за часословъ, — онъ те всякому добру научитъ“. Ну а потомъ ежели коли со суредствами бывалъ то сынка, а иногда и дочку свою на ученіе отдавалъ либо кому изъ служивыхъ, либо дьячку, а они то и наставляли дите на всякое добро. Потомъ подростетъ дите-то такое, глядишь — и въ люди вышелъ — купцомъ ли сдѣлался — не надуваетъ, не обмѣриваетъ, все какъ православный человѣкъ знаетъ; а ежели мастерству обучался, то и тутъ не пропадалъ — работу, коли тверезъ, бывало усегда находилъ для себя то и Бога, и царя — батюшку не забывалъ. Вобче у то времячко куда вольготнѣе жилось то, благодать Божія усюду была, потому люди скверными своими Бога не гнѣвали А теперь то что жъ? Самое то это дите, какъ только изъ чрева матери выползетъ, глядишь — уже молъ и то, и се не нравится, святого слова и помину нѣтъ, а что же замѣсто того знаетъ оно, въ

наше время-то? Какъ стукнетъ ребенку въ наше время годиковъ шесть-ступай, грятъ, ему учиться у школу, тамъ те всякимъ премудростямъ обучатъ. Ну, извѣстное дѣло, дите незнамое, идетъ себѣ, приходитъ у самую эту школу, гдѣ все педагоги, да педагоги, да педагогши стриженыя табачокъ потягиваютъ, а иногда и со шкалика, да все промежъ себя-то о пертурбаціяхъ да стереализаціяхъ разсуждаютъ. А какъ увидятъ уновь прибывшее дите, замѣсто того, чтобы спросить его: Закону Б. учился? спросятъ: Да какъ-те госпитали, да изъ архиметики что знаешь? да и посадятъ парнишку то за дьявольскіе столы да бронетъ книжку эдакую, что прости Господи и видѣть. Учи грятъ; ну и учитъ себѣ дите, да и не знаетъ, каковую себѣ погибель готовитъ. Вотъ именно такъ и начинаетъ учиться дите въ наше время разнымъ архиметіямъ да климатизаціямъ, набьетъ себѣ голову дурью всякою, а потомъ коли поваляется восемь лѣтъ — грядъ ему, ступай братъ увысши училище да напрактикуешься въ наукахъ. Глядишь-и тамъ ужъ Бога совсѣмъ забылъ, отца да мать никогда благочестивымъ словомъ не вспомянетъ, почнетъ все такъ мудрено говорить, это дескать не такъ-то и объ семъ слѣдовало бы сдѣлать зависящее распоряженіе, точно ежели не онъ, то свѣтъ перевернулся бы. А онъ и не знаетъ, что черезъ всѣхъ людей-такихъ и всѣ несчастія на землѣ-да правды нѣтъ. Истиннаго Бога не знаетъ, въ церковь не ходитъ.

Вѣстимо, ежели ужъ потомъ выходятъ изъ высшей школы то, гдѣ бѣсовскому де навожденію діавола учатъ, люди такіе-то про то да про се писать начинаютъ да пропечатаютъ, молъ не нужно знать намъ Закона Б. безъ него жить то будемъ, а ужъ лучше астралябію, аграрію да всякую ехидну подавай намъ. Ну, старые умираютъ, пока и на свѣтъ Божій являются новыя чада, да ужъ совсѣмъ другія. Беретъ это дите грамотное книжку такую въ руки, да и думаетъ, что коли у книжкѣ такъ написано, стало быть и надо слушаться. Вотъ такъ сыздѣтства систюмерно работа у наше время портиться начинаетъ. Вонъ гдѣ зло у наше время-то! . . . Да что и говорить, не знали дѣды да бабы наши сантиментальности, да анаѳемской реабилитаціи, да сыты и счастливы бували, да Богу постоянно благодарны были, а нынче что жъ? . . . Эхъ! . . .“ И со скорбью на лицѣ, съ воспаленными глазами онъ обыкновенно подымался и тихонько выходилъ изъ камеры. Приведенный отрывокъ монолога можетъ вполнѣ служить показателемъ умственнаго роста моего апостола. За предѣлы этой темы съ различными варіаціями онъ никогда не выходилъ и заранѣе можно было себѣ мысленно представить, о чемъ онъ будетъ поучать. До поры, до времени подобные монологи были мнѣ очень на руку. Но съ теченіемъ времени всѣ эти разсужденія стали мнѣ надоѣдать и замѣтивъ, что я теперь занятъ чтеніемъ, я просилъ жандарма больше не заходить ко мнѣ и оставить

свои разсужденія для себя или кого либо другого. И съ тѣхъ поръ диспуты наши теологическаго характера прекратились. Я хотѣлъ бы описать мою камеру и раньше всего я позволю себѣ описать одинъ предметъ, являющійся для людей свободныхъ вещью не стоющей вниманія, но для одиночнаго заключеннаго — вещью первостепенной. Я говорю о постели. Всякому заключенному полагается довольно прочная желѣзная кровать, устроенная такимъ образомъ, чтобы не дать возможности заключенному валяться на ней въ продолженіе дня. Кровать эта опирается на двухъ ножкахъ и вмѣсто остальныхъ 2^хъ нож. прикрѣпляется на шарнирахъ къ стѣнѣ. Въ кровати устроенъ особаго рода замокъ, для того, чтобы запирать. Такъ какъ постель эта на шарнирахъ, то несомнѣнно, что кровать, будучи поднята, будетъ приближаться къ стѣнѣ, до тѣхъ поръ, пока замокъ не встрѣтится съ желѣзными крючкомъ и язычкомъ, плотно вбитыми въ стѣну. Стоитъ только употребить малѣйшее усиліе для того, чтобы ударить замкомъ по язычку и тогда клинокъ, войдя во внутрь замка, сначала отодвигаетъ имѣющуюся въ замкѣ пружину, а затѣмъ захватываетъ ее, и отпереть кровать безъ особаго ключа нѣтъ никакой возможности. Послѣ молитвы, когда собирается вся тюрьма на покой, жандармъ обыкновенно заноситъ ключъ, которымъ и отмыкаешь постель отъ стѣны. Какъ только заключенный встаетъ, онъ по духу тюремныхъ правилъ

обязанъ закрыть свою постель, и за этимъ слѣдятъ представители непосредственной власти-жандармы. Первое время, еще не освоившись съ обстановкой, я такъ и поступалъ, вслѣдствіе чего я цѣлый день принужденъ былъ находиться на ногахъ, такъ какъ сидѣть было тошно и противно, а лечь нѣтъ возможности — кровать закрыта. Повторяю, я дѣлалъ это до тѣхъ поръ, пока я былъ новичкомъ и не зналъ, что при настойчивости и въ тюрьмѣ можно быть господиномъ. Дѣйствительно, не дай Богъ въ тюрьмѣ склонить свою волю — рискуешь быть окончательно подавленнымъ твоею непосредственной властью. А потому, убѣдившись, что закрывать постель для меня по меньшей мѣрѣ неудобно, я ее началъ оставлять открытой, мотивируя жандарму этотъ поступокъ нездоровьемъ. Да и мотивы мои были далеко не ложны, такъ какъ я чувствовалъ, что силы мои начинаютъ оставлять меня. Такимъ образомъ, кровать моя или вѣрнѣе право оставлять ее открытой было отвоевано. Кстати о медицинской помощи, оказываемой въ нашихъ тюрьмахъ. Я подчеркиваю потому нашихъ, что Од. тюрьма въ смыслѣ своего благоустройства врядъ ли можетъ себѣ отыскать соперницу въ Россіи, и ознакомившись съ медицинской помощью Од. тюрьмы, можно продставить себѣ, что происходитъ въ другихъ тюрьмахъ. Какъ я упомянулъ, силы мои оттощались систематическимъ надрываніемъ ихъ въ затхлой атмосферѣ одиночного заключенія. Зову жан-

дарма-философа и прошу пригласить ко мнѣ врача. Съ нѣкоторыхъ поръ я началъ ощущать острую боль въ груди и не желая откладывать въ долгій яшикъ, я рѣшилъ прибѣгнуть къ медицинской помощи. Проходитъ недѣля — врача нѣтъ какъ нѣтъ. Обращаюсь къ жандарму и спрашиваю причину.

— Работы, значитъ, много у него", отвѣчаетъ онъ. Но по глазкамъ жандарма я заключилъ, что онъ нагло лжетъ и рѣшивъ отомстить ему за подобную ложь, я прошу его купить мнѣ въ потребительной лавочкѣ листъ бумаги для прошенія. Это обстоятельство, видимо, не по нутру пришлось ему, такъ какъ къ чести высшей жандармеріи должно сказать, что она болѣе внимательно относится къ нуждамъ заключеннаго, чѣмъ низшая. Это обстоятельство было достаточно извѣстно и жандарму, и слѣдовательно если бы мною было бы написано прошеніе на имя жандармскаго полковника, пришлось бы не только уступить моей просьбѣ, но и получить нагоняй со стороны начальства. Въ силу этихъ только соображеній онъ отвѣтилъ — „Да не надо прошеніевъ, я можетъ попрошу, скажу что ужъ очень нужно, тогда можетъ придетъ." И въ самомъ дѣлѣ не прошло и часу (это въ тюрьмѣ для удовлетворенія нуждъ заключенныхъ является даже образцовой расторопностью) какъ въ сопровожденіи жандарма вваливается ко мнѣ въ камеру какой-то плюгавенькій старичокъ, лѣтъ шестидесяти съ хвостикомъ, съ гладко выбри-

тымъ сморщеннымъ лицомъ, совершенно лысый и одѣтый въ какой-то куцый клѣтчатый пиджакъ, значительно потертый и забрызганный грязью. Вваливщіяся губы его какъ будто что-то жевали и приводили въ движеніе мѣшкомъ отвисшій подбородокъ, отчего шнурочекъ съ какими то шариками на концахъ, замѣнявшій галстухъ, тоже двигался и шевелилъ шариками. Предварительно высморкавшись, онъ обратился ко мнѣ: „Вы больны? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сталъ что-то записывать.

— А что жъ у васъ болитъ?

— Да вотъ, указываю я на грудь.

— Гм. многозначительно промолвилъ онъ: мы вамъ лекарство пропишемъ, и въ мгновеніе ока его не стало. Я, признаться, былъ пораженъ подобнымъ отношеніемъ врача къ страждущему, у меня невольно вырывался протестъ противъ такихъ чисто варварскихъ отношеній человѣка къ человѣку, но одно сознаніе, что я въ тюрьмѣ, одно это сознаніе атрофировало во мнѣ всякое возмущеніе, какъ безпродуктивную трату нервныхъ силъ. . . . Діагнозъ былъ видно имъ очень скоро поставленъ и надо было бы радоваться такому быстрому успѣху медицинской науки, но въ то время мнѣ далеко не до этого было. Болѣзнь возростала и требовала серьезной медицинской помощи, а ждать ее въ тюрьмѣ было бы по меньшей мѣрѣ глупо. Апрѣль былъ уже въ исходѣ, и солнце благодатными лучами начало дарить земную

поверхность со всѣмъ на ней находящимся. Пребываніе въ камерѣ становилось невозможнымъ, отсутствіе печатнаго слова, полнѣшая неизвѣстность о своемъ дѣлѣ и близкихъ-все это дѣлало несноснымъ пребываніе мое въ одиночномъ заключеніи. Видовъ на скорое освобожденіе не было, такъ какъ нѣкоторые изъ товарищей пали духомъ и своею откровенностью усложняли и безъ того замысловатое веденіе слѣдствія по нашему дѣлу, такъ какъ этимъ путемъ они вовлекали въ наше дѣло совершенно новые элементы, не считаться съ которыми жандармерія не могла. И вотъ, вмѣсто того, чтобы въ мѣсяцъ maximum 2, предварительное слѣдствіе по нашему дѣлу было закончено и сдано прокурору, его начали вести съ удвоенной энергіей, такъ какъ въ тюрьму были приведены новыя лица, которыя, по словамъ признававшихся, имѣли то или иное отношеніе къ нашему дѣлу.

---

5. Новые допросы.

Спустя два мѣсяца послѣ ареста меня снова зовутъ на допросъ. За столомъ сидитъ жандармск. полк. Б-ъ, онъ же и слѣдователь по дѣламъ политическихъ. Рядомъ съ нимъ съ лѣвой стороны товарищъ, прокурора К-ъ. Въ канцеляріи масса военщины, такъ что даже, признаться, немного жутко стало. Тутъ

были и старцы, обрамленные сѣдинами съ массою орденовъ и знаковъ за долголѣтнюю полезную дѣятельность, и юнцы, у которыхъ на устахъ молоко матери еще обсохнуть не успѣло. Все это собралось тогда для того, чтобы допрашивать преступниковъ. Послѣ обычныхъ ничего незначущихъ вопросовъ, начинается процедура допроса, причемъ тутъ я наглядно убѣдился, что первые допросы нуль въ сравненіи съ этимъ . . . Пригласили меня въ канцелярію часа въ два, а освободили въ шесть часовъ или еще позже. Четыре часа находился я tete à tete съ такими людьми, которые изъ каждаго твоего слова стремятся извлечь для себя по ихъ понятіямъ выгоду. Зло насмѣхаются надъ твоимъ самолюбіемъ, доводятъ тебя до бѣшенства. Видѣть это и чувствовать, о, сколько самообладанія нужно, чтобы не пасть! . . . — „Вы обвиняетесь въ томъ то и томъ то“, произнесъ при благоговѣйномъ молчаніи Б-ъ, и началось чтеніе ужъ 20 разъ пережеваннаго обвинительнаго акта. Пришлось опять замѣтить, что ничего общаго съ обвиненіями, изложенными въ обвинительномъ актѣ, я не имѣю, и обвиненіе построено на доносахъ шпіоновъ. Но этими словами, я, конечно, удовлетворить ихъ не могъ. Б-ъ отъ исполненія своихъ обязанностей перешелъ на почву отвлеченнаго спора о цѣляхъ рабочаго движенія, его задачахъ и т. д. Я понималъ, къ чему клонятся всѣ эти разсужденія — я видѣлъ въ этомъ явное желанье поймать меня въ спорѣ съ нимъ,

неосторожно выпущенную фразу или слово и какъ таковое пріобщить къ дѣлу. Вотъ моментъ, когда нужно быть человѣкомъ. Разумѣется, что своими сентенціями онъ заставлялъ меня кипятиться, волноваться, доказывать имъ нелѣпость ихъ сужденій и т. д. Но какъ сдѣлать это такъ, чтобы и самому выйти изъ воды сухимъ и имъ фигу показать? Я метался, какъ угорѣлый, и быстро сталъ шагать по канцеляріи, желая оріентироваться въ томъ хаосѣ, который господствовалъ въ то время у меня въ головѣ. Посмотрѣвъ случайно на часы, я увидѣлъ $^1/_2$5го. Ровно $2^1/_2$ часа меня пытаютъ и не видно конца этой пыткѣ, меня хотятъ заставить говорить, когда отсутствуетъ ужъ хотя бы чисто физическая возможность для этой цѣли. Голова начала кружиться, начало тошнить, въ глазахъ у меня помутилось. Собравшись съ послѣдними силами, я вмѣсто того, чтобы отвѣтить на заданный вопросъ мнѣ, попросилъ разрѣшить мнѣ выйти подышать чистымъ воздухомъ на полчаса, такъ какъ здѣсь я близокъ къ обмороку. Просьба моя была исполнена, и я стремглавъ выбѣжалъ изъ канцеляріи, совершивъ такимъ образомъ перерывъ въ моемъ допросѣ. Съ жадностью вдохнулъ я въ себя сколько могъ свѣжаго воздуха и походивши съ минутъ 5 по двору, прилегъ на траву, но не прошло и 15 минутъ, какъ жандармъ обратно позвалъ меня въ канцелярію. Въ комнатѣ никого кромѣ Б-а я не засталъ, но я и въ этомъ предусмотрѣлъ фортель опытныхъ сыщиковъ,

и я не ошибся. Замѣтивъ, что я разъ навсегда отказываюсь отъ всякихъ отвлеченныхъ споровъ о дѣлѣ и т. д., какъ о предметѣ мнѣ незнакомомъ, я просилъ перейти Б-а на почву допроса, для чего я и былъ призванъ, или отпустить меня въ камеру и дать мнѣ возможность отдохнуть послѣ четырехчасовой пытки, причемъ выйдя изъ себя, я началъ говорить дерзости Б-у. И это видно оказала свое дѣйствіе. Ровно въ $^1/_2 7^{го}$ Б-ъ поднялся со стула — моя аудіенція кончена. Я послѣдовалъ его примѣру, но тутъ онъ обратился ко мнѣ со слѣдующими словами: „Ну, признайтесь открыто, теперь въ канцеляріи никого нѣту, и вы завтра же свободны; намъ дѣло только выяснить надо, а далѣе вы намъ не нужны“. Не оставалось и тѣни сомнѣнія, что нашъ разговоръ подслушиваютъ. Сознаніе это, какъ электрическій токъ, заставило меня быстро подняться и громко вскрикнувъ, что я не намѣренъ дѣлать никакихъ признаній, я поспѣшно въ сопровожденіи жандарма вышелъ. Б-ъ остался на мѣстѣ и принялъ позу вопросительнаго и восклицательнаго знаковъ. Это обстоятельство мнѣ крайне понравилось, такъ какъ такимъ путемъ я не далъ не только ему поводовъ разузнать дѣло, но и оставилъ его и всю эту братію въ дуракахъ. Нѣтъ, нужно самому очутиться въ шкурѣ допрашиваемаго, чтобы мнѣніе о возможныхъ со стороны арестованнаго слабостяхъ было строго вѣрное. Нужно видѣть это систематическое вытягиваніе жилъ, ежесекундныя влѣ-

занія въ тайники души твоей, маскируемыя теплыми, вѣжливыми словечками и двусмысленными намеками, нужно, повторяю, это самому испытать, чтобы ясно увидѣть, что многіе слишкомъ сильно заблуждаются, считая чуть ли не оффиціальными шпіонами лицъ, путемъ гнуснѣйшихъ пытокъ доведенныхъ до сознанія предъ открытымъ врагомъ... Не мало траты нервныхъ силъ нужно употребить, чтобы остаться въ равновѣсіи, хотя упорное отрицаніе до послѣднихъ дней не принесло существенной пользы мнѣ.

Сдѣлана была попытка вырвать у меня признаніе и на томъ основаніи, что врачъ, визита котораго мнѣ удалось въ концѣ концовъ добиться, прислалъ мнѣ микстуру и пообѣщалъ выхлопотать для меня прогулку въ садикѣ при тюрьмѣ. Въ тотъ же день меня снова пригласили въ канцелярію. Вхожу, за столомъ сидятъ Б-ъ и неразлучный товарищъ прокурора К. Вотъ что, обращается ко мнѣ Б-ъ: „врачъ заявилъ намъ, что вы больны и нуждаетесь въ воздухѣ Крыма. Это можетъ быть вами легко достигнуто при томъ условіи, что вы намъ признаетесь“. Эти слова меня взорвали. Я замѣтилъ, что болѣзнь моя и желаніе пользоваться болѣе продолжительной прогулкой ничего общаго съ признаніемъ не имѣютъ. Я указалъ также на толпу арестантовъ, бродившихъ по двору, какъ на ихъ же доказательство, что степень виновности не имѣетъ отношенія къ удовлетворенію потребности въ чистомъ воздухѣ.

— То они, а то вы, отвѣтилъ мнѣ товарищъ прокурора: Впрочемъ, ходатайство врача о получасовой прогулкѣ въ саду будетъ нами удовлетворено. Видите, какія уступки мы вамъ дѣлаемъ.

Я поблагодарилъ и поспѣшилъ выйти, а съ слѣдующаго дня я уже гулялъ въ саду, причемъ за кусокъ шоколада или папиросу моя прогулка удлинялась до трехъ четвертей, а иногда и до полнаго часа. Съ какимъ радостнымъ чувствомъ я ходилъ въ этотъ садикъ. Я ложился на траву и старался вдыхать въ себя побольше воздуха, а воздухъ былъ прекрасный. Помимо того, что въ саду росли сирень, акація и розы, мѣстоположеніе тюрьмы способствовало тому, чтобы воздухъ былъ наполненъ чуднымъ запахомъ полей. Эти прогулки были самыми свѣтлыми минутами за все время моего пребыванія въ тюрьмѣ, и какъ обновленный уходилъ я, бывало, обратно въ камеру. Во время этихъ же прогулокъ сопровождавшій меня жандармъ, конечно, за особую взятку, сообщалъ мнѣ крупнѣйшія новости изъ газетъ, а одинъ разъ онъ даже принесъ съ собой одинъ номеръ газеты, на чтеніе которой я и набросился какъ жадный изголодавшійся звѣрь . . .

---

6. Изъ камеры въ камеру. — Забастовка.

Въ одно прекрасное утро открывается дверь моей камеры, и на порогѣ ея я увидѣлъ старшого въ со-

провожденіи арестанта хожалаго. Вся наружность перваго словно говорила: „сотру тебя!“ Не сказавъ однако ни слова, онъ велѣлъ арестанту законопатить окно; не было сомнѣнія въ томъ, что мои переговоры съ сосѣдями были подслушаны имъ. Не растерявшись, я въ мгновеніе ока очутился на окнѣ и заявилъ, что не пущу закрыть окна.

— Чего стоишь, да ротъ разинулъ? обратился старшой къ арестанту, положеніе котораго было крайне комическое: ослушаться жандарма, да еще старшого, онъ не смѣлъ, закрыть же окно ему не хотѣлось изъ состраданія ко мнѣ. Постоявъ минуту, онъ подошелъ къ окну, намѣреваясь его завинтить болтами, но быстрымъ движеніемъ руки я его отстранилъ. — Жандармъ пришелъ въ ярость. Кромѣ того ему стало стыдно передъ уголовными арестантами, собравшимися гурьбой около моей камеры. Дѣло въ томъ, что я громко назвалъ его скотиной, и это долетѣло до ушей всѣхъ присутствовавшихъ арестантовъ.

— Я прошу васъ слѣзть съ окна, а не то я пожалуюсь начальству, обратился снова ко мнѣ жандармъ. Я сказалъ, что не сдѣлаю этого до тѣхъ поръ, пока не узнаю причинъ, вызвавшихъ такое распоряженіе. Я собственно зналъ заранѣе эти причины, но и зналъ, что жандармъ не можетъ по долгу службы сообщить мнѣ ихъ. Нашъ словесный турниръ продолжался около четверти часу, пока наконецъ побѣда

была одержана мной. Раздались бѣшенные апплодисменты со свистомъ и крикомъ, исходившіе отъ сосѣдей, которые слышали весь нашъ діалогъ, хотя и не были свидѣтелями нашей словесной схватки. Не зная, куда дѣться отъ этихъ торжествующихъ криковъ, жандармъ стрѣлою выбѣжалъ изъ камеры, забывъ впопыхахъ закрыть за собою дверь. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, подходилъ къ сосѣдямъ, переговаривался съ ними; они слышали нашъ диспутъ съ жандармомъ отъ начала до конца и выражали мнѣ свое одобреніе. Часа черезъ два послѣ описаннаго скоропалительно прибѣжалъ ко мнѣ въ камеру старшой, заявивъ, что по распоряженію высшаго начальства онъ переводитъ меня въ другую камеру. Признаться, я былъ очень радъ этому обстоятельству, ибо этимъ путемъ я получалъ возможность знакомиться съ новыми сосѣдями, и я съ большимъ удовольствіемъ оставилъ мою камеру. Перевели меня съ четвертаго этажа на третій, вслѣдствіе чего открывавшійся видъ на поле, это единственное мое развлеченіе и удовольствіе, уже былъ теперь мнѣ недоступенъ изъ за стѣны, съ безотлучнымъ у нея часовымъ. Первыя минуты я чувствовалъ себя на новомъ мѣстѣ не особенно пріятно, но ознакомившись путемъ разспросовъ у арестантовъ съ мѣстоположеніемъ моей камеры и съ сосѣдями, обитавшими справа, слѣва, подо мною и наверху, я начертилъ себѣ программу моихъ будущихъ дѣйствій. Оказалось, что вокругъ меня си-

дѣли въ камерахъ все болѣе или менѣе знакомыя лица, побесѣдовать съ которыми было для меня совсѣмъ не лишнее. Началось перестукиваніе по всѣмъ направленіямъ. Стучали мнѣ, я отвѣчалъ и старался хоть этимъ мизернымъ средствомъ извлечь для себя какую либо умственную пользу. Вскорѣ явился младшій жандармъ-философъ съ настоятельной просьбой о прекращеніи перестукиванія, но не обращая на него ровно никакого вниманія я продолжалъ свое дѣло. Жандармъ, увидѣвъ полное свое безсиліе, а не то и вспомнивъ какое нибудь изреченіе изъ Златоуста, сплюнулъ и „сократился“. Чрезъ нѣсколько минутъ является ко мнѣ старшой и приказываетъ оставить перестукиваніе, но и его постигла таже участь, что жандарма-философа. Такъ они и оставили меня въ покоѣ.

Окно моего новаго помѣщенія было законопачено, и въ камерѣ прямо таки не было возможности дышать. И то, что мною въ смыслѣ здоровья пріобрѣталось на прогулкахъ въ саду, растрачивалось на борьбу съ адской атмосферой одиночнаго заключенія. Наступила между тѣмъ середина мая. Въ тюрьмѣ стали циркулировать слухи о готовящемся возстаніи, причемъ сначала я этимъ слухамъ не вѣрилъ. Но вотъ однажды получилъ черезъ одного арестанта записку слѣдующаго краткаго содержанія: „Бастуйте, кушанье несносное, крѣпитесь“. Надо замѣтить, что кушанье дѣйствительно было прямо таки невозможнымъ, и

вотъ среди „политическихъ“ возникла мысль о забастовкѣ. Я уже упоминалъ, что въ тюрьмѣ имѣлась особая пища, т. н. дворянская, за особую плату: обѣдъ изъ двухъ блюдъ стоилъ 25 коп., причемъ первое блюдо (борщъ или супъ) — 10 коп., а второе (жаркое, котлеты или бифштексъ) — 15 коп. Эта ѣда была вполнѣ приличная и сытная. Требованіемъ политическихъ было выставлено: устранить обыкновенную пищу и замѣнить ее первымъ блюдомъ дворянскаго обѣда. Рѣшено было начать забастовку 21-го мая и въ этотъ день утромъ всѣ политическіе отказались отъ полученія своего пайка хлѣба, полагающагося на весь день. При этомъ я опять получилъ записку съ совѣтомъ держаться; почтальономъ служилъ, конечно, арестантъ — хожалый. Записка подписана была предсѣдателемъ организовавшагося въ тюрьмѣ землячества. Послѣ того какъ отъ хлѣба я отказался, принесли чай, но и отъ него я подобно всѣмъ другимъ также отказался. Голодъ началъ меня вскорѣ мучить и не на шутку, но это казалось пустякомъ въ сравненіи съ общимъ, да еще такимъ правымъ дѣломъ. Приближалось время обѣда, и я къ этому времени получилъ еще одну записку: „Крѣпитесь, остальные солидарны“. Но я и безъ того рѣшилъ не отвѣдать обѣда, — отъ котораго я стойко отказался, когда мнѣ его принесли. Наконецъ, принесли мнѣ и мой дворянскій обѣдъ, за который я платилъ особо, — но я выпроводилъ хожалаго, ус-

пѣвшаго шепнуть мнѣ, что никто изъ политическихъ не взялъ обѣда. Это обстоятельство меня ободрило, и я рѣшилъ держаться до конца. Забастовка, конечно, не могла не броситься въ глаза жандармамъ, которые, очевидно, доложили объ этомъ высшей жандармеріи, ибо въ первомъ часу меня пригласили въ канцелярію. Полковникъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, почему это я отказался отъ хлѣба и обѣда. Я отвѣтилъ, что чувствую себя нехорошо, доказательствомъ чего является посѣщеніе врача за нѣсколько дней. Съ тѣмъ полковникъ и отпустилъ меня. Звали позже другого, третьяго и многихъ другихъ изъ политическихъ, но всѣ находили какую нибудь причину своего отказа отъ пищи. Наступилъ вечеръ, а съ нимъ и ужинъ, отъ котораго опять таки всѣ отказались. По движенію по корридорамъ можно было догадаться, что въ тюрьму ожидаютъ какую то важную особу. Дѣйствительно, оказалось, что вызвали по телефону прокурора, доложивъ ему, что въ тюрьмѣ происходитъ стачка политическихъ. Уже была совсѣмъ ночь, когда въ мою камеру въ сопровожденіи Б-а и сторшого вошелъ прокуроръ, — сутуловатый человѣкъ среднихъ лѣтъ. Справившись о томъ, какъ долго я здѣсь и сколько разъ меня допрашивали, онъ приступилъ прямо къ дѣлу.

— Скажите, молодой человѣкъ, обратился онъ ко мнѣ: объясните, если можете причину вашего отказа отъ пищи сегодня. Знайте, что если требованіе ваше

окажется законнымъ, я всегда на вашей сторонѣ и ваше требованіе будетъ немедленно удовлетворено.

Въ этихъ словахъ я прочелъ обидную ложь, а потому не долго думая я отвѣтилъ, что не намѣренъ долго разсуждать по этому поводу, ограничившись замѣчаніемъ, что пищу, которая подается намъ, людямъ, отказались бы ѣсть даже животныя. Поэтому я, какъ и всѣ мои коллеги, требуемъ замѣны этой пищи первымъ блюдомъ дворянской пищи. При этомъ я просилъ еще дольше меня не безпокоить, такъ какъ отъ голоданія цѣлый день я не имѣю силъ говорить съ кѣмъ бы то ни было.

— Усовъ, крикнулъ прокуроръ: выпиши изъ лавочки для этого человѣка что либо съѣстное.

Я поблагодарилъ, но отъ съѣстного отказался.

— Но вѣдь такъ, молодой человѣкъ, оттощать можно. Знайте, что требованіе это дѣлается вами коллективно, не говоря уже о томъ, что слово требованіе должно быть вычеркнуто изъ лексикона арестованныхъ.

Я опять указалъ на законность нашихъ требованій и улегся на постели, не будучи больше въ силахъ стоять на ногахъ.

— Итакъ, молодой человѣкъ, вы отказываетесь отъ пищи? Подумайте, что вы дѣлаете. Еще разъ предупреждаю васъ, во избѣжаніе непріятныхъ послѣдствій, — произнесъ прокуроръ и подалъ мнѣ для подписи какой — то листъ. Попрощавшись, онъ вышелъ затѣмъ изъ камеры.

Позже я узналъ, что эти визиты съ тѣми же самыми предостереженіями прокуроръ дѣлалъ каждому изъ стачечниковъ, причемъ всѣ, какъ одинъ человѣкъ, отказались отъ „чего либо съѣстного“, что долженъ былъ выписать изъ лавочки Усовъ. На слѣдующій день послѣ визита я снова отказался отъ пищи, поддержанный товарищами — сосѣдями. Къ вечеру меня, истощеннаго голодовкой въ теченіи 48 часовъ, позвали въ канцелярію, гдѣ и прочитали мнѣ, какъ и каждому другому стачечнику, постановленіе высшей жандармеріи: если и въ ближайшій день заключенные будутъ продолжать свой бунтъ, прокуратура обратится за полномочіями къ министру, дабы стачечники понесли заслуженную кару; съ другой стороны, начальство тюрьмы находитъ, что пища, даваемая заключеннымъ, неудовлетворительна, вслѣдствіе чего, во исполненіе ранѣе принятаго рѣшенія, обыкновенная арестантская пища замѣняется первымъ блюдомъ дворянскаго обѣда. Долженъ ли я добавить, что за этой казуитской скрывалась побѣда, полная побѣда.

Съ радостнымъ чувствомъ я вернулся въ свою камеру. Одно сознаніе, что солидарность и въ тюрьмѣ можетъ оказать услугу и прижать къ стѣнѣ палачей, вселило въ меня новыя надежды, новыя думы — хорошія и свѣтлыя. На слѣдующій день, 23 мая, всѣмъ роздана была пища, считавшаяся раньше дворянской. Всѣмъ очевидно было, что наше требованіе удовлетворено, и цѣль достигнута. Это было для

насъ прекраснымъ урокомъ въ томъ смыслѣ, что стали требовать, — и снова успѣшно, другихъ уступокъ. Такъ, напримѣръ, у насъ у всѣхъ раскрыли окна, намъ позволили гулять вдвоемъ, — какъ и вообще режимъ значительно улучшился, къ общей радости заключенныхъ. Это заставляло предполагать, что слѣдствіе по нашему дѣлу закончено и скоро насъ освободятъ, — до суда, конечно. 29-го мая былъ у меня послѣдній допросъ, представлявшій въ сущности переливаніе ихъ пустого въ порожнее, послѣ чего меня уже больше не тревожили.

---

7. Параша, замѣняющая телефонъ. — Освобожденіе.

Наступило 1-ое іюня. Меня снова перевели въ другую камеру, теперь уже на второй этажъ. Камера, какъ камера, ничѣмъ отъ прочихъ не отличалась, развѣ что только тѣмъ, что въ ней стояло сильное зловоніе отъ параши. Устраивается послѣдняя такимъ образомъ: берется обыкновенный табуретъ, и въ немъ вырѣзывается круглое отверстіе, діаметръ котораго равенъ діаметру желѣзнаго ведра, вставляемаго въ это отверстіе. Ведро это прикрывается крышкой, и все это прикрывается еще одной крышкой побольше. Для того же чтобы зловоніе не распространялось по камерѣ, къ табурету придѣлывается жестяной рукавъ,

который проведенъ въ стѣну, гдѣ имѣется одна труба побольше, куда проведены рукава изъ различныхъ камеръ. Соединеніе всѣхъ этихъ развѣтвленныхъ трубъ даетъ въ концѣ концовъ одну общую большую трубу, выходящую наружу тюремнаго замка, — и такимъ образомъ удаляется, по мнѣнію тюремнаго начальства, зловоніе изъ камеръ. При малѣйшемъ усиліи табуретъ легко освобождается отъ трубки и отодвигается отъ стѣны, и поэтому когда въ первыхъ числахъ іюня зловоніе было слишкомъ сильно въ моей камерѣ, я полагая, что жестяной рукавъ засорился, принялся прочищать его. Отодвинувъ табуретъ отъ стѣны, я ручной метелкой началъ стучать внутри пустого пространства въ стѣнѣ, и былъ тотчасъ же пораженъ послышавшимся мѣрнымъ шарканіемъ ногъ и чьимъ-то монотоннымъ чтеніемъ. Конечно, я очень легко сообразилъ, что какъ разъ на высотѣ рукава отъ моей параши проведенъ съ другой стороны стѣны къ общей трубкѣ такой же рукавъ изъ другой камеры. Нечего и добавлять, что я окликнулъ моего сосѣда, посовѣтовалъ ему отодвинуть парашу отъ стѣны, — и мы часто бесѣдовали другъ съ другомъ, — а какъ только надвигалась опасность въ смыслѣ приближавшагося жандарма, я быстро придвигалъ парашу къ стѣнѣ. Тоже самое дѣлалъ мой сосѣдъ, и никто не могъ насъ обвинить въ нескромности. Чѣмъ больше и дольше мы бесѣдовали подобнымъ путемъ, тѣмъ больше смѣлости являлось у насъ, такъ что на-

конецъ мы и при жандармѣ не принимали мѣръ предосторожности. За это я, конечно, поплатился: накрытый на мѣстѣ преступленія, я немедленно переведенъ былъ жандармомъ въ другую камеру, — по счету уже пятую. И снова я не замедлилъ свести знакомство съ моими сосѣдями. Сосѣдомъ моимъ по камерѣ № 37 оказался какой-то офицеръ, который уже полтора года находился въ тюрьмѣ и еще ни разу не былъ допрошенъ.

Со дня на день я ожидалъ уже своего освобожденія, хотя жандармы объ этомъ упорно умалчивали. Эти послѣдніе дни жилось сравнительно привольно. Пищу давали хорошую, почти полъ дня я находился на воздухѣ съ какимъ либо изъ заключенныхъ, согласно выражаемому мною желанію. Сопровождалъ насъ уже не жандармъ, а простой ключникъ, изъ числа надзирающихъ за уголовными. Получились нѣкоторыя книги изъ дому и съ жадностью были не только прочтены, но и чуть ли не заучены наизусть. Здоровье мое значительно улучшилось, и надобности во врачѣ не встрѣчалось. Опятъ заходилъ ко мнѣ въ камеру товарищъ прокурора съ вопросомъ, нѣтъ ли у меня какихъ либо заявленій по моему дѣлу и получивъ отрицательный отвѣтъ удалился. Меня не тревожили, и я со дня на день ожидалъ своего освобожденія, которое и наступило 15-го іюня. Уже наканунѣ жандармъ проговорился, что на слѣдующій день нѣкоторыя лица будутъ освобождены, и почему

то я былъ убѣжденъ, что въ ихъ число попаду и я. Дѣйствительно, часу въ 11-омъ является ко мнѣ жандармъ и проситъ меня въ канцелярію. Войдя туда, я увидѣлъ нѣсколькихъ своихъ друзей и пріятелей, какую-то барышню и немногихъ незнакомыхъ мнѣ лицъ, которыя освобождались вмѣстѣ со мною въ тотъ день. Подполковникъ Б-ъ въ присутствіи товарища прокурора прочиталъ намъ постановленіе жандармеріи, по которому насъ освобождали изъ подъ стражи, отдавая до постановленія суда надъ нами подъ гласный надзоръ полиціи . . .

— Подпишитесь, господа, обратился къ намъ Б-ъ, окончивъ чтеніе. Мы всѣ подписались и ушли въ свои камеры собирать имѣвшіяся у насъ вещи. Къ 2-мъ часамъ дня мы собрались снова въ конторѣ тюрьмы и тамъ получили обратно наши вещи. Вскорѣ пріѣхалъ какой-то жандармскій ротмистръ, переписалъ насъ всѣхъ и приказалъ шести городовымъ сопровождать насъ въ полицейское управленіе, гдѣ насъ слѣдовало сдать полицмейстеру. Такимъ образомъ, предстояло еще перетерпѣть волненія и ненужныя формальности. Дѣйствительно, хотя мы сейчасъ и вышли въ сопровожденіи шести городовыхъ съ узелками въ рукахъ, намъ пришлось остановиться у воротъ тюрьмы. Очевидно было, что кого-то ожидали. Ждать пришлось настолько долго, что вся наша компанія, состоявшая изъ четырехъ моихъ товарищей по техническому училищу, трехъ студентовъ, одной

дѣвицы и одного рабочаго, расположилась поудобнѣй на травѣ. Само собою разумѣется, прохожіе останавливались, говорили другъ другу: „политическіе“, нѣкоторые набожно крестились, нѣкоторые спѣшили уйти подальше отъ грѣха. Прошло такимъ путемъ два битыхъ часа, пока къ тюрьмѣ подъѣхалъ прокуроръ въ сопровожденіи околодочнаго надзирателя. Послѣдній вручилъ какой то документъ городовымъ, и наше шествіе началось. Погода была сырая, грязи на улицахъ было достаточно, — въ особенности пока мы добрались до каменныхъ мостовыхъ города. На улицахъ было обычное движеніе, и конечно мы были предметомъ общаго вниманія. Мы шли словно сквозь строй, но нужно было итти, въ ожиданіи скорой уже полной свободы. На каждомъ углу мы останавливались, и городовые, сопровождавшіе насъ, обмѣнивались свистками съ постовыми городовыми, очищавшими для нашего шествія дорогу. Когда мы, наконецъ, въ 6 час. вечера пришли въ полицейское управленіе, полицмейстера тамъ не оказалось: онъ долженъ былъ явиться лишь къ 9 часамъ. Чтобы скоротать время, мы устроили чай съ закускою (въ день освобожденія намъ обѣда въ тюрьмѣ не дали). Вотъ наконецъ и 9 час. Вмѣсто полицмейстера явился его секретарь и переписалъ наши имена и фамиліи. Это было, однако, еще не все, отсюда мы должны были направиться въ тѣ участковыя управленія, въ районахъ которыхъ предполагали жить. Къ

10-ти часамъ я съ нѣкоторыми спутниками былъ въ зданіи „участка“, но и здѣсь пришлось ждать пордкомъ, пока явился приставъ, опять составилъ подробный списокъ нашихъ именъ и разъяснилъ намъ сущность гласнаго надзора полиціи. Въ 11-ть часовъ ночи я былъ уже вполнѣ, вполнѣ свободнымъ человѣкомъ, хотя и не зналъ, что дѣлать съ моей свободой въ такой поздній часъ. Пришлось искать ночлега гдѣ нибудь въ меблированныхъ комнатахъ.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней, оборачиваясь назадъ, я по привычкѣ все ожидалъ увидѣть фигуру жандарма. Но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе было сознаніе полной свободы, которой я былъ лишенъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ чьей-то безжалостной рукой.

Типографія Бера и Германна, Лейпцигъ (Германія).

Поступило въ продажу:

Марокъ

Амфитеатровъ, Алекс. Господа Обмановы. . 1.50

Знаменитый фельетонъ-помфлетъ, изъ за котораго газета „Россія“ закрыта навсегда, а Ал. Амфитеатровъ (old Gentleman) сосланъ на 12 лѣтъ въ Сибирь.

Горькій, М., Три разсказа (не пропущены русской цензурой) . . . . . 1.—

Голосъ изъ русской арміи. — Разоблаченія 2.—

Колоссовъ, Его Величество . . . . . 3.—

Сукенниковъ, М., Первый контрессъ русскихъ студентовъ и студентокъ, учащихся заграницей . . . . . 1.—

Спасовичъ, Вл. Семь судебныхъ рѣчей . . . 5.—

Содержаніе: I. Дѣло о 193 лицахъ. — II. Дѣло Мровинскаго, Теглева и Фурсова — о подкопѣ подъ Малую Садовую улицу. — III. Дѣло Юрія Богдановича и Прибылевыхъ. — IV. Дѣло Вѣры Филипповой, Чемодановой и другихъ. — V. Дѣло о Варшавскомъ „Пролетаріатѣ“. — VI. Дѣло объ убійствѣ купчихи Боговской въ Псковѣ. — VII. Дѣло о Германѣ Лопатинѣ, Петрѣ Якубовичѣ и другихъ 19 лицахъ.

Флеровсій, Н. Н. Три политическія системы: Николай I, Александръ II и Александръ III 6.—

Марокъ

Болѣзнь и смерть Александра III. Правдивыя замѣтки . . . . . 1.—

Сущность и значеніе **конституціи** графа **Лорисъ-Меликова** . . . . . 1.—

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ:

Томъ III. **Елизавета Петровна,** ея происхожденіе, интимная жизнь и правленіе . . . 2.—

„ IV. **Петръ III,** его дурачества, любовныя похожденія и кончина . . . . 2.—

„ VII. **Екатерина II,** ея происхожденіе, интимная жизнь и политика . . . . . 2.—

„ VIII. **Павелъ I.** Его семейная жизнь, фавориты и убійство 2.—

„ XI. **Александръ II,** его личность, интимная жизнь и правленіе . . . . . 2.—

„ XII. **Александръ III** . . . 2.—

Бебель. А. Женщина настоящаго, прошедшаго и будущаго времени . . . . . 3.—

Въ этой книгѣ знаменитаго автора обстоятельно обсуждается женскій вопросъ, имѣющій значеніе для нормальнаго развитія соціальнаго положенія общества. Авторъ такъ умѣло написалъ свою книгу, что она въ непродолжительный срокъ выдержала на нѣмецкомъ языкѣ 30 изданій.